

Книга года 2019
British Books
awards

Costa Book
Awards 2019
шорт-лист

«Прочтите этот роман
о поиске себя, сексе и лучших друзьях,
которые помогут пережить все, что угодно»

Канде Бэшнелл
автор книги
«Секс в большом городе»

Лучший дебют 2019 года
по версии Goodreads

Кандис Карти-Уильямс
КВИНИ

18+

Кэндис Карти-Уильямс

Квини

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099283
Квини / Кэндис Карти-Уильямс: Лайвбук; Москва; 2021
ISBN 978-5-907056-81-7*

Аннотация

Как поступить, если тебя «поставили на паузу»?

25-летняя Квини живет в Лондоне и работает в модном журнале, а друзья ценят ее чувство юмора. Но она постоянно сомневается в себе и с трудом верит, что добилась всего этого: ведь она первая в своей ямайской семье получила высшее образование. Когда парень Квини внезапно предлагает «сделать перерыв в отношениях», ее жизнь и самооценка начинают сыпаться как карточный домик.

Хранить верность или забыть с парнями из приложений для знакомств? Уйти с головой в работу? Или разобраться со старыми семейными тайнами?

Откровенная история, которая затронет сердца поклонников «Дневника Бриджит Джонс» и «Американхи». Смелая, обезоруживающе честная «Квини» – роман о том, что значит быть современной девушкой, мир которой рушится – и как найти в себе силы его восстановить.

Содержание

Отзывы о «Квини»	5
Глава 1	9
Глава 2	43
Глава 3	58
Глава 4	87
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кэндис Карти-Уильямс

Квини

Candice Carty-Williams

Queenie

Copyright © Candice Carty-Williams, 2019

© Дарья Ивановская, перевод на русский язык, 2020

© Livebook Publishing, оформление, 2020

Всем Квини в мире: вы молодцы. Правда.

С любовью и памятью

о Дэне О'Лоуне и Антоне Гарнисе.

Кэндис Карти-Уильямс — маркетолог, писатель и журналист. Живет в Лондоне. Родилась в 1989 году. Ее отец был таксистом с Ямайки, а мать имела индо-ямайские корни, страдала дислексией и работала секретаршей. До двадцати трех лет Кэндис работала в СМИ, потом перешла в издательское дело. В 2016 году Кэндис придумала и запустила премию за короткий рассказ the Guardian and 4th Estate BAME Short Story Prize, работала куратором Penguin Books WriteNow, регулярно пишет для Refinery29, BEAT Magazine, Guardian и i-D. «Квини» — ее первый роман. Найти автора можно в Твиттере как @CandiceC_W.

ОТЗЫВЫ О «КВИНИ»

«Сексуально, сногсшибательно, злободневно;
ироничный взгляд на романтику и независимость»

– *Observer*

«Забавно и тонко»

– *Мэлори Блэкман*

«Остро, доходчиво и очень выразительно»

– *Дженни Колган*

«В „Квини“ есть все, чего можно ожидать от дебютного романа – поразительная свежесть нового голоса, персонажи, в которых влюбляешься с первой же страницы, и такой легкий слог, что от книги практически невозможно оторваться. История оказывается потрясающе смешной и совершенно убийственной. „Квини“ – книга важная и актуальная»

– *Луиза О’Нил*

«Кэндис Карти-Уильямс – фантастическая новая писательница, написавшая изящно смешной, самобытный, злободневный и волнующий роман о нашем времени»

– *Барнадин Эваристо*

«Блестяще, актуально, весело и надрывно»

– *Джоджо Мойес*

«Смешно, умно и злободневно. Книга и автор, за которыми хочется наблюдать»

– *Кит де Вааль*

«„Квини“ – книга из тех, о которых невозможно перестать говорить, которую советуешь прочесть всем и каждому. Сперва ты от смеха прыскаешь чаем, а через секунду испытываешь глубокую печаль... Я в полном восторге»

– *ЭйДжи Пирс*

«Уморительно, необычно, нежно»

– *Никеш Шукла*

«Кэндис щедро делится радостью, болью и юмором... Книга красивая и захватывающая»

– *Афуа Хири*

«Я жадно и с удовольствием проглотила книгу одним махом. „Квини“ мне понравилась, я до самого конца переживала за героиню»

– *Кэти Ренценбринк*

«Я увлеклась книгой, Квини мне очень понравилась – и ее юмор, и боль, и убеждения, и друзья, и семья»

– *Диана Эванс*

«Очень особенная книга, многое рассказывающая

об идентичности чернокожих женщин, сексуальном поведении, групповых чатах и эмоциональном становлении в совершенно непринужденной форме. Грязно, забавно и глубокомысленно»

– *Шарлин Тео*

«Квини – та самая идеальная лучшая подруга: смешная, сообразительная и более чем уязвимая. Мне нравилось забираться в ее мысли и хотелось оставаться там подольше. Я в восхищении от романа»

– *Стэйси Холлс*

«Захватывающе. Непосредственно, болезненно, совершенно замечательно»

– *Харриет Эванс*

«Один из самых выдающихся дебютов 2019 года»

– *Guardian*

«Легко и с юмором рассказанная история о поисках идентичности»

– *BBC News*

«Коммерческая литература получила хороший стимулирующий пинок от Карти-Уильямс в виде ее честного, смешного и остроумного повествования о молодой девушке и ее тяготах, связанных с жизнью, любовью и идентичностью»

– *Сара Хьюс, i newspaper*

«Смешно, красноречиво и душещипательно: Карти-

Уильямс – это определенно новый голос в художественной литературе... Квини – интересная, сложная и не боящаяся своих ошибок героиня, которую мы все так ждали»

– *Stylist*

Глава 1

Квини:

Я на кресле.

Был бы ты здесь...

Я выключила телефон и снова уставилась в потолок, но тут же его снова включила, чтобы послать вдогонку «целую». Это покажет Тому, что я не настолько бесчувственная, как ему видится.

– Вы не могли бы подвинуть ягодицы к са-а-а-а-мому краю? – спросила врач, пока я придвигалась еще ближе к ее лицу. Не представляю, как они это выдерживают.

– Глубокий вдох, пожалуйста!

Она произнесла это излишне бодро, а затем сразу, без предупреждения, ввела в меня нечто, по ощущениям напоминавшее самый неэргономичный в мире фаллоимитатор, и стала им двигать, как джойстиком. Потом положила холодную руку на мой живот, надавливая раз в несколько секунд и поджимая губы каждый раз, когда я взвизгивала. Чтобы отвлечься от манипуляций с моими внутренностями, я проверила телефон. Не отвечает.

– Так чем вы занимаетесь... Квини? – спросила врач, заглядывая в мою медкарту.

Мало ей было того, что она и так буквально смотрела

внутри меня? Ей и правда *надо* было знать, где я работаю?

– Я работаю в газете, – ответила я, приподнимая голову и пытаюсь смотреть ей в глаза, решив, что так будет вежливее.

– Замечательное занятие! – снова надала она, продвигаясь глубже. – И что же именно вы делаете в газете?

– Я сотрудник *The Daily Read*. Отдел – ай! – культуры. Рецензии, обзоры и...

– Технический отдел? Неплохо, – сказала она.

Я приподнялась на локтях, намереваясь ее поправить, но осеклась, увидев ее обеспокоенное лицо. Я взглянула на медсестру за ее спиной, выглядевшую не менее озадаченно, а потом снова на врача. Все то же волнение. Своего лица я не видела, но думаю, и на нем читалась аналогичная тревога.

– Подождите секундочку, нам нужно... Эш, ты не могла бы позвать доктора Смита?

Медсестра поспешила из кабинета.

После долгих неприятных минут медсестра вернулась с еще одним доктором, мужчиной, столь же с виду заурядным, как и его фамилия.

– Давайте-ка посмотрим... – сказал доктор Смит, наклоняясь и заглядывая мне между ног.

– Что случилось? Вы ее не видите? – спросила я, переживая, что спираль затерялась у меня в матке, такой же страх у меня бывает насчет тампонов – иногда боюсь, что они до сих пор болтаются где-то внутри меня.

– Что скажешь, Рэй? – спросила первая врач своего коллегу.

– Я думаю, нужно пригласить доктора Элисон, – ответил доктор Смит, делая шаг назад и упирая руки в бока.

– Я там в холле встретила уборщика, который мыл полы, – может, мы и его позовем посмотреть? – спросила я всех троих сотрудников больницы, пока они рассматривали картинку на мониторе аппарата УЗИ.

– Ага! Вот и спираль! – сказала моя врач, указывая на пятно на изображении моей матки с энтузиазмом человека, только что открывшего новую планету. С облегчением я откинулась обратно на спинку кресла. – Вы не могли бы теперь одеться и подождать в приемной? Нам нужно кое-что обсудить, и мы вас снова пригласим.

– Никогда, никогда не доверяй Близнецам.

Я плюхнулась на стул рядом с тетей Мэгги.

– Держи, – сказала она, протягивая флакончик антибактериального геля. Потом выдавила немного мне на ладонь, и как только я его растерла, схватила меня за руку, чтобы придать веса своим словам. Я надеялась, что уверенная в себе Мэгги поделится со мной решительностью и спокойствием, но вместо этого она делилась лишь своим ОКР.

Я попыталась сосредоточиться на отклеивающемся от стены плакате Союза гинекологов, чтобы перестать выдергивать руку из ее хватки.

– Ты же знаешь, что я не верю в астрологию, Мэгги.

Она сжала мою руку сильнее, как мне показалось – в наказание. Я все же высвободила ладонь из ее пальцев и скрестила руки на груди, спрятав кисти под мышки, чтобы она снова не вцепилась.

– Ваше поколение вообще ни во что не верит, – отвечала тетя. – Но слушай, что я тебе говорю, это для твоего же блага. Мужчина-Близнец – потребитель. Он заберет у тебя все, опустошит тебя. Он никогда ничего тебе не даст, потому что он думает не о тебе, а всегда только о себе. Разобьет тебя вдребезги и бросит, как кучу мусора на полу. Я уже миллион раз это видела, Квини.

Женщина напротив воздела к потолку руку и согласно угукнула.

– Ты знаешь, что я держусь подальше от *всех* мужчин, кроме Отца нашего Небесного, потому что у меня нет на них времени с 1981 года, но поверь мне, Близнецов нужно остерегаться особо. Только свяжись с мужчиной, родившимся в июне, и будет тебе горе.

– Но Том родился в июне! – попыталась перебить ее я, о чем тут же пожалела.

– О! Вот именно! И я о том же! – воскликнула Мэгги. – А где же он, позволь узнать? – она посмотрела на меня вопросительно. – Ты вот сидишь в больнице, а его что-то не видать!

Я было открыла рот, намереваясь сообщить, что не все

мужчины, родившиеся в определенное время года, являются воплощением Люцифера на Земле, но Мэгги со своим вечным желанием полнее раскрыть тему собиралась продолжать. В битком набитом коридоре она читала мне (и всем присутствующим заодно) лекцию самым выразительным своим тоном, и хотя я была слишком поглощена переживаниями о происходящем в моей матке и это мешало мне слушать внимательно, сидевшая напротив женщина увлеченно кивала и так тарачилась на рыжий парик Мэгги, словно тот мог в любую минуту свалиться.

– А разве Принс был не Близнецы? – спросила я. – Я точно помню, что он родился в июне.

– Принс – упокой, Господи, его душу – это был Принс, – сказала Мэгги, глядя мне прямо в глаза. – Астрология ни тогда, ни теперь не применима к Принсу... а если ты свяжешься с Близнецами, то сильно пожалеешь. Они охотники, уж поверь мне. В погоне за женщиной их захлестывает азарт, им хорошо, им кажется, что у них в жизни есть цель. Все знают, что мужчина, который не нашел цели в жизни, считает ее бессмысленной. Но с Близнецами – совсем другая история, – продолжала Мэгги с энтузиазмом, вселявшим благоговейный ужас. – А когда женщина им, наконец, достается, они ее бросают. Бросают так, будто никогда ее даже *не знали*. Мужчи́нам-Близнеца́м плевать, кому они причиняют боль, кого используют и через кого переступают, потому что они этого вообще в упор не замечают.

– ...ты уверена, что говоришь не о белых мужчинах, Мэгги? – спросила я, прищурившись. В очень уж характерном направлении она метила.

– Считай как хочешь, – сказала она, складывая руки и поджимая губы. – Это же ты у нас решила, что встретила своего белого спасителя. Вот смотри.

Мэгги – большая женщина. Во всех смыслах. Каждую неделю у нее новый парик, еще удивительнее предыдущего, а также она не носит черное, потому что это слишком депрессивно, а еще сочетает в одежде сразу несколько расцветок, даже если просто хлопчет по дому, потому что «Иисус хочет видеть жизнь в цвете». Одержимость цветом – отголосок ее недолгой карьеры художницы – карьеры, за которую она не создала ничего, кроме хайпа вокруг своей персоны. При всем этом Мэгги крайне религиозна, но чем меньше об этом говорить, тем лучше. Моя тетя и бабушка и так регулярно используют религию как палку для битья всех и каждого, так что я не хочу тратить ни секунды, чтобы еще дополнительно это обсуждать.

Я сидела на краешке скамейки, чтобы в этот раз сотрудники больницы не выкрикивали мое имя на всю приемную.

– Что мешает им загуглить мое имя, когда я уйду? – спросила я у Мэгги, пытаясь прервать ее демагогию. – Каковы правила?

– Кто это тебя будет гуглить? – спросила она.

– Кто-нибудь из посетителей? – тихо ответила я.

– Ты не знаменитость, Квини, – сказала Мэгги. – Перестань параноить.

– Квини Дженкинс? – прокричала та же медсестра.

Я коснулась колена Мэгги, дав понять, что мне пора, и вскочила с места; она же продолжила болтать.

Медсестра мне не улыбалась, а просто аккуратно положила руку на мое плечо и повела из приемной в кабинет, где пахло так, будто кто-то разлил там ведро хлорки.

Я нервно посмотрела на гудевший в углу аппарат УЗИ.

– Можете положить вещи вот сюда, – сообщила она, указывая на стул у дверей. Во второй раз – может, отчаяннее, чем в первый – я подумала, как было бы хорошо, если бы на этом стуле сидел Том, но плакаться было некогда, потому что на меня смотрела медсестра, так что я просто бросила туда сумку.

– Вы не могли бы снять колготы и белье и снова сесть в кресло? Я пока позову доктора.

– Опять? – спросила я, скидывая голову как вздорный подросток.

– Угу. Будьте так любезны, – она вышла.

Надо было мне надеть спортивные штаны – во-первых, дай мне волю, я бы вообще из них не вылезала, а во-вторых, колготки – такой головняк. Их пока наденешь – и потанцуешь, и скрючишься, так что делать это можно всего раз в

день, и чтоб никто не видел. Я достала телефон, чтобы написать лучшей подруге, которая сейчас наверняка занималась чем-то менее жутким.

Квини:

Дарси. Они хотят меня осмотреть еще раз! Эта штука побывала во мне больше раз, чем Том за последние пару недель

Врач, проворная женщина с добрыми глазами, наверняка повидавшими немало женских страхов, вошла в кабинет. Медленно и спокойно она объяснила, что должна еще раз меня осмотреть и кое-что проверить. Я села.

– Что вы ищете? – спросила я. – Вы сказали, спираль на месте.

В ответ она молча натянула латексные перчатки, так что я улеглась.

– Что ж, – произнесла она после паузы, ощупав меня снова. – Я спросила второго мнения у другого врача. И это второе мнение, оно... Скажите, есть ли вероятность, что вы были беременны, Квини?

Я снова села. У меня мышцы живота сведет, если я буду продолжать эту гимнастику в таком темпе.

– Простите, что вы имеете в виду?

– Дело вот в чем, – сказала врач, глядя в монитор, – похоже, у вас случился выкидыш.

Я резко подняла руку к губам, забыв, что в ней что-то есть. Телефон выскользнул из пальцев и упал на пол. Врач не об-

ратила на это внимания и продолжала смотреть на экран.

– Как? – спросила я, в отчаянии ожидая, что она посмотрит на меня, поймет, что эта новость как-то отзывается во мне.

– Такое случается при использовании большинства контрацептивов, – сказала она бесстрастно, а ее глаза, показавшиеся мне добрыми, по-прежнему смотрели на монитор. – Многие женщины этого даже не замечают. Во всяком случае, у вас уже все случилось.

Я еще долго лежала в кресле, после того как она вышла из кабинета.

* * *

– О, у вас будут очень красивые дети, – сказала бабушка Тома, глядя на нас через стол. У Джойс была катаракта, но видеть будущее она, похоже, все еще могла.

– Прелестная нежная коричневая кожа, как у тебя, Квини, только чуть светлее. Будто кофе с молоком. Но не слишком темная! И зеленые глаза Тома. И твои густые волосы, Квини, темные ресницы, а нос ровненький, как у Тома, – я обвела взглядом присутствующих: посмотреть, не шокируют ли ее слова еще кого-то, но, похоже, здесь это было допустимо.

– Не думаю, что можно так просто выбрать черты, как детали фоторобота, Джойс, – сказала я, вертя в руках перцемолку.

– Да, – сказала Джойс. – А жаль.

Позже, уже в постели, я повернулась к Тому и отложила книгу в сторону.

– Что не так с моим носом?

– В каком смысле? – спросил Том, не отрываясь от какой-то технической статьи, которую читал в телефоне.

– Ну твоя бабушка. Она за обедом сказала, что у нашего будущего ребенка должен быть твой «ровненький нос».

– Не обращай внимания. Она ведет себя как все старики, – сказал Том, убирая телефон на тумбочку у кровати. – У тебя славный мягкий носик. Может, это даже моя любимая часть твоего лица.

– О. Ну спасибо, – ответила я, снова взяв книгу. – Будем надеяться, что нашим детям не достанутся мои мятые черты.

– Я сказал «мягкий», а не «мятый». И мне бы хотелось, чтобы дети были похожи на тебя, а не на меня – твоя внешность интереснее моей. И я *люблю* твой нос почти так же сильно, как люблю тебя всю, – сказал Том, нажимая на мой нос кончиком пальца, будто дополняя свой ответ на вопрос.

Он подвинулся так, чтобы я смогла уткнуться в него, и, хотя я не из тех людей, которые часто чувствуют себя в безопасности, но у меня было именно это ощущение, правда, всего лишь на секунду.

– Значит, ты уже думал об этом? – спросила я, глядя на него снизу вверх.

– О твоём носе? Конечно, у тебя прелестный носик, – он

прижался подбородком к моему лбу.

– Нет, о детях. О наших будущих.

– Да, я уже все продумал. Через шесть лет, когда у нас будет дом, и я, наконец, затащу тебя к алтарю, у нас будут дети, – сказал Том с улыбкой. – Трое в самый раз.

– Трое?

– Один – вырастет эгоистом, двое – значит, они постоянно будут соревноваться между собой, а трое детей уже смогут присматривать друг за другом, как только старшему исполнится восемь.

– Ладно, ладно. Трое детей цвета кофе. Но с молоком, да? Как бабушка и заказывала.

* * *

Квини:

Том, ответь

Квини:

Ты видишь мои сообщения?

Квини:

Я позвоню, когда поеду домой

Квини:

Мне еще надо в аптеку за таблетками

Квини:

Напиши, если нужно что-то купить

Я сидела в коридоре, уставившись в разбитый экран телефона, и ждала ответа Тома. Прошло несколько минут, и я, наконец, двинулась в сторону приемной. Чем ближе я подходила, тем громче слышался голос Мэгги.

— Однажды, много лет назад, мой бывший муж сказал, что должен сгонять за бензином, и знаешь что? Его не было пятнадцать часов! А когда он вернулся, я спросила: «Теренс, ты где покупал бензин, в Шотландии?» — она сделала паузу для пущего эффекта. — После такого я велела ему убираться. Мне надо было заниматься ребенком, оплачивать счета, а разбираться с мужской глупостью мне было недосуг. — Мэгги сделала паузу, чтобы поправить грудь. — А на следующий день после его ухода я пошла к доктору и сказала: «Слушайте, завяжите мне узлом эти трубы, и больше никаких детей!» Серьезно. Моей дочке сейчас пятнадцать, и с ней одни проблемы. Только макияж, и мальчики, и накладные ресницы, и съемка видео для Ютьюба. Не для этого моя мать приехала с Ямайки — не для того, чтобы ее внучка плюнула на образование, — Мэгги сложила руки и потом снова опустила. — Я хожу в церковь и молюсь, молюсь за себя, и за свою дочь, и за племянницу. Я могу только надеяться, что Он слышит меня, Марина.

Как так получилось, что моя тетя и эта незнакомка уже называют друг друга по имени? Я не так долго отсутствовала. Я уселась рядом с тетей. Сидевшая напротив Марина про-

должала рьяно кивать, хотя Мэгги уже ничего не говорила.
– И что сказали? – спросила Мэгги, снова доставая гель для рук.

Я ушла от ответа.

– Да ничего. Так, проблемы по-женски.

– Какие проблемы по-женски? – Мэгги – ямайская иммигрантка в первом поколении, так что считает себя вправе вызнавать о других все, что захочется.

– Просто проблемы по-женски! – сказала я, выжимая из себя улыбку, которая казалась мне убедительной.

Мы с Мэгги стояли у больницы на автобусной остановке. Она что-то говорила, но я не особо внимательно слушала, потому что смотрела вверх на три гигантских здания напротив, таких высоких, что их вершины почти терялись в темных облаках. Я запрокинула голову, надеясь, что если продержусь так достаточно долго, то слезы, застилавшие мне глаза, не прольются наружу.

– Квини, так что сказала врач? – тетя сделала большие глаза. – Я на эту чушь о «проблемах по-женски» не куплюсь. Мне из тебя ответ силой вытягивать?

И почему я решила, что мы закрыли эту тему?

– Она хотела взглянуть на шейку матки, Мэгги, – ответила я в надежде, что теперь она от меня отстанет. – Какое-то там сужение.

Она посмотрела на меня, и ее лицо исказилось сначала от

раздражения, а потом от шока.

– Что? Обязательно меня смущать? – оглядываясь, процедила она сквозь зубы. – *Не надо* на людях произносить *слово на «в»*.

– Я не говорила «влагалище», я сказала «шейка матки», – ответила я.

Она сжала губы.

– А вот и автобус.

Сто тридцать шестой полз по Льюишам Хай-стрит, и за каждый метр пути Мэгги успевала произнести по сотне слов.

– В те времена, когда мама переехала, черным женщинам вставляли импланты и спирали без их ведома, чтобы мы не беременели, – она кивнула головой. – Чтобы мы не размножались! Это чистая правда! – она подняла брови. – Знаешь мамину подругу, Глинду, которая все подчистую съедает в доме, когда заходит в гости? Так вот, она не могла забеременеть много лет и понятия не имела, почему. Так что не надо было тебе вообще связываться с *этой штукой*, ни по политическим причинам, ни по физиологическим. Ты даже не знаешь, что она с тобой делает.

Она так лихорадочно говорила, что ее огромные пластиковые серьги отстукивали саундтрек к потоку ее слов.

– Тело черной женщины плохо принимает такие штуки. Ты что, не читала? Химический дисбаланс, поглощение меланина – *а это* влияет на гипофиз и эпифиз. *Отеки*, опять

же.

Мэгги прекратила болтать, чтобы позвонить Диане, так что я попыталась набрать Тома. Первые три раза я послушала гудки, а теперь включилась голосовая почта. Уже шесть, так что он наверняка вышел с работы.

– Все еще не отвечает? – спросила Мэгги.

– А? – я посмотрела в окно. – Кто, Том? Да, он прислал сообщение, что будет ждать меня дома.

Она знала, что я вру, но мы подъезжали к моей остановке, так что дальше допрашивать меня она не могла.

– Ты точно не хочешь пойти со мной в церковь в воскресенье? Двери открыты для всех. Даже для тебя, с твоей *спиралью*, – она посмотрела на меня краем глаза. – Господь спасет даже самых беспутных...

Я закатила глаза и встала.

– Завтра позвоню, – сказала я и стала выбираться из автобуса, пытаясь никого и ничего не коснуться руками, затем вышла.

Я стояла и махала тете на прощание, пока двери не закрылись и автобус не тронулся. Это у нас семейный обычай. Раздражающий и отнимающий время.

Когда я вернулась домой, в квартире было холодно. Я наполнила ванну и выбралась из одежды. Я сморщилась от вида геля для УЗИ, присохшего к ластовице трусов, и забросила их в корзину для грязного белья. Согнувшись пополам, я

уселась на край ванны. Кровотечение прекратилось, а спазмы – еще нет.

Я обернула волосы шарфом и забралась в ванну. Сидя в воде, я ощупывала свой живот и поскуливала, задевая особо чувствительные точки. Почему так вышло? Мне было двадцать пять, и я не собиралась рожать. Очевидно. Но было бы неплохо самой сделать выбор. Что ж, то, что я поместила в свое тело контрацептив, абсолютно точно значило, что я не собиралась заводить ребенка, так что да – я бы выбрала *не* вынашивать дитя и *не* растить его потом, но дело не в этом.

«Была ли я готова?» – я спросила себя вслух, поглаживая живот. Маме было двадцать пять, когда она забеременела мной. Полагаю, это многое говорит о том, насколько я была бы не готова. Я лежала, и онемение окутывало мое тело, пока горячая вода омывала холодную кожу.

Полночь, а Тома все еще не было. Спать я не могла, потому что матка будто пыталась выбраться из меня наружу, так что я достала несколько коробок и начала упаковывать мою часть вещей из гостинной, чтобы все выглядело так, будто я куда-то собираюсь в скором времени. Снежный шар из Парижа, из нашего первого общего с Томом отпуска; до смешного уродливый фарфоровый ослик из Испании, из второй совместной поездки, и турецкая висюлька в форме глаза – из третьей. Я аккуратно упаковала все эти воспоминания о наших отношениях, перекладывая их слоями бумаги и заклеи-

вая скотчем. Потом я перешла к тарелкам, потом к чашкам, а потом остановилась, чтобы достать из коробки ослика. Я развернула его и водрузила обратно на полку. Если уж оставлять Тому напоминание о нашем романе, то пусть это будет такой предмет, который мне на новом месте не понадобится. Я упаковывала и упаковывала, пока не впала в совершенное неистовство бумаги и скотча, остановившись лишь тогда, когда наткнулась на две чашки на сушилке для посуды. На одной была рельефная буква «Т», на другой – «К».

* * *

– Зачем тебе столько *барахла*? – спросил Том, оперевшись на картонную коробку с надписью «Разное 7» и вытирая пот со лба. – У меня всего несколько худи и две пары носков.

– Не знаю, может, я незаметно для себя превратилась в барахольщицу? – ответила я, обняв его лицо ладонями. – Но раз ты хотел жить со мной, то придется жить и со всем этим.

– Да ладно, я не жалею, – сказал Том, целуя меня в лоб. – Квини, у тебя слишком сухой лобик для человека, которому по идее нужно таскать коробки.

– Да, наверное, но мое дело – упорядочивать, а не таскать, – ответила я. – Я слежу, чтобы коробки с надписью «кухня» оказались в кухне.

– Раз уж ты собралась в кухню, может, хотя бы сделаешь чаю?

– Да, и если на то пошло, то твоя умная девушка как раз нашла коробку с чайником, а по пути сюда купила молоко и чай, – сказала я. – Но я не знаю, где чашки.

– Глянь в моем рюкзаке. Моя мама купила нам чашки. Сказала, что это подарок к новоселью.

Я нашла рюкзак Тома в прихожей и, когда открыла, обнаружила там две подарочных коробки, а в каждой лежала белая чашка. Я вымыла их и заварила нам чай, вытаскивая горячие пакетики пальцами за неимением ложки.

– Как ты так пальцы не обжигаешь? – спросил Том, входя в кухню с коробкой под мышкой.

– Обжигаю, просто не признаюсь, – сказала я, подавая ему горячую чашку. – Такие стильные, где она их взяла?

– Понятия не имею, – ответил Том, отхлебывая.

– Ой, погоди, у тебя чашка с буквой «К», – заметила я, намереваясь ее забрать.

– Теперь она моя, – сказал он, отодвигаясь с чашкой подальше. – Как и *ты* – моя, – добавил Том, обнимая меня одной рукой.

– Знаешь, – сказала я, – каким тоном это ни произнеси, звучит жутковато и по-собственнически.

– Жутковато и по-собственнически, – Том снова глотнул чаю и рассмеялся. – Именно эти мои качества и привлекли тебя в первую очередь, правда?

Я собирала вещи, пока не вымоталась окончательно и не уснула на диване в окружении бесполезного барахла, которое мне, наверное, не стоило дальше тащить по жизни. Когда я утром проснулась от навязчивого чирикаания будильника из спальни, Тома все еще не было. Я села в метро и поехала на работу, сгибаясь пополам от режущей боли в животе. Какая-то женщина протянула мне пластиковый пакет, сказав: «Если вас вдруг стошнит, то не могли бы вы хотя бы сделать это аккуратно? Никому не хочется наблюдать ваши брызги с утра пораньше».

Я опоздала, прокралась на рабочее место, включила компьютер и нацепила утреннюю фальшивую улыбку. Телепрограмма перепуталась с клубными анонсами, и я попросила Ли все исправить, пока не заметила Джина, наша шефиня. Однажды он обязательно заявит мне, чтобы я сама делала свою работу, но пока я выслушиваю подробные рассказы о вялотекущей диджейской карьере его бойфренда Дона, мне довольно многое сходит с рук.

В середине дня я подошла к столу Дарси, серому металлическому модулю в дальнем углу офиса, который она делила с Тихой Джин, та была древнейшим в мире редактором отдела и дольше всех работала в The Daily Read. Эта бледная, как призрак, тощая женщина, совершенно не вписывалась

в эстетику яркого новостного издания, и, как мне казалось, ненавидела меня, хотя ни разу и словом со мной не обмолвилась. Как, впрочем, ни с кем другим.

– Доброе утро, Джин, – сказала я, кланяясь.

Она неодобрительно хмыкнула и слегка качнула головой, надевая свои на удивление понтовые наушники. Я прикоснулась руками к голове Дарси и начала заплетать ее густые и тяжелые каштановые волосы – это занятие, к счастью, приносило ей такое же удовольствие, как и мне, так что в отдел кадров из-за нарушения этики меня не вызывали.

– *Прошу*, не останавливайся. Это невероятно расслабляет, – сказала она. Я посмотрела на ее монитор и стала вслух читать письмо, которое она как раз писала.

– «Саймон, и не надейся, что я изменю свои желания и потребности тебе в угоду. Ты знаешь, что моя жизнь сейчас отличается от твоей и, вместо понимания, используешь это как оружие...»

Тихая Джин взглянула на нас и вздохнула неожиданно громко как человек, редко пользующийся голосовыми связками.

– Квини! Это личное! – рявкнула Дарси, оборачиваясь ко мне. Ее ярко-голубые глаза смотрели прямо в мои темно-карие.

– Ой-ой. Что-то не так? – спросила она.

– Да все, – простонала я, стучаясь головой о перегородку так громко, что Тихая Джин подскочила на стуле.

– Ясно. Пошли! – прощebetала она, виновато взглянув на Джин и утаскивая меня прочь. Несмотря на то, что с Дарси мы знакомы не так долго, как с остальными моими ближайшими подругами, по интуиции она превосходит их всех. Вот уже три с половиной года мы работали вместе и проводили в разговорах все будни, а это значит, что каждая из нас знала другую лучше, чем саму себя.

Она очень красивая, у нее светлая кожа и такие же светлые убеждения, она выглядит как типичная девушка военных лет, фотографию которой муж на фронте целует перед сном. Трудно представить, чтобы такая эстетика была уместна в современном мире, но она умело ее использует.

Дарси втолкнула меня в лифт, и из-за нее я наступила на ногу какому-то мужчине. На нем был твидовый пиджак и очки, слишком крупные для лица, которое я сочла бы красивым, если бы мой мозг не был так заиклен на разбитом сердце. Он взглянул на меня и открыл было рот, чтобы возмутиться, но посмотрел молча, а потом уткнулся в телефон.

– Все будет в порядке, Квини, – прошептала Дарси, кладя руку мне на плечо.

– Ты даже не знаешь, что именно сейчас не в порядке, – прошептала я в ответ. – Так что не говори этого.

Лифт приехал на первый этаж, мы выскочили, и слова о печали, предательстве и одиночестве повалили из моего рта

со скоростью сто миль в час.

– Я не знаю, что делать! У нас уже так давно все плохо, Дарси. Без передышки, – сказала я, шагая тем быстрее, чем сильнее раздражалась. – Мы каждый день ругаемся, по любому поводу, постоянно, он даже начал оставаться на выходные у родителей, а когда становится совсем не вмоготу, он уезжает к ним на всю неделю и на работу тоже оттуда ездит! Из Питерборо! А в эти выходные мы серьезно поссорились, и он сказал, что ему нужен перерыв и что, по его мнению, мне стоит съехать.

– Блин! – воскликнула Дарси. – Это он серьезно? Или так, со злости?

– Дарси, я нихрена не поняла. Мы всю ночь разговаривали, грызлись, и я согласилась уехать на три месяца, а потом мы попробуем все еще раз обдумать.

– А почему съезжать должна именно ты, раз уж он может пожить у родителей? У тебя-то нет такого варианта, – Дарси подхватила меня под руку.

– Он сказал, что вполне может себе позволить остаться в этой квартире, потому что я получаю как новичок без опыта работы, а он большой мальчик, мой доход – фигня в сравнении с его охренительной зарплатой веб-разработчика.

– Это дословная цитата? – в ужасе спросила Дарси.

– Он всегда так относился к деньгам, вот я и не удивляюсь, что он использует их против меня, – Дарси сильнее прижалась к моей руке. – Я просто не понимаю, зачем он так. Он

знает, что я его люблю, – надулась я. – Какого хера он этого не видит?

Мои резкие формулировки звучали неуместно в столовой, так что Дарси вытолкала меня оттуда и потащила в маленький парк возле офиса. Думаю, это место можно называть парком, хотя там сплошной бетон и лишь по периметру – клочки вязкой земли с голыми ветками, но все равно приятно, что в центре Лондона есть хоть какое-то подобие зеленого уголка. Мы пытались укрыться от студеного октябрьского ветра, прижавшись друг к дружке на деревянной скамейке, которая то и дело угрожающе шаталась, особенно когда я принималась активно жестикулировать, будто проверяя ее на прочность.

– Он знает, что у меня *заскоки*, он всегда *знал* про мои заскоки, почему же он не может меня понять? – я посмотрела на Дарси в ожидании ответа, но продолжила, не успела она и слова сказать. – Все еще может быть хорошо. Мы сделаем перерыв, я ненадолго съеду, приведу в порядок голову, а через несколько месяцев все будет хорошо, я вернусь, и мы будем жить долго и счастливо.

– Как Росс и Рэйчел, если бы они были разных рас? – предположила Дарси.

– «Друзья» – это единственное, что тебе приходит в голову? – спросила я ее. – В «Друзьях» даже ни одного черного персонажа нет.

– Я просто думаю, что ему нужно немного времени и про-

странства. Ты уедешь, и он сразу поймет, как ему без тебя тяжело, – сказала Дарси. Она мыслит прагматично, как раз в противовес моей импульсивности и неспособности что-то обдумывать. – Вы хотя бы спите друг с другом?

– Нет, я не особо и пыталась, – вздохнула я. – Он считает, что это лишнее. У нас уже месяц секса не было.

Дарси охнула.

– Меня все это убивает. Я так хочу, чтобы все наладилось, – сказала я, кладя голову к Дарси на плечо. – А вдруг это конец?

– Не конец! – заверила меня Дарси. – Том любит тебя, просто ему больно. Вам обоим больно, не забывай. Весь этот перерыв нещадно бьет по его гордости. Мужчины не любят признавать, что где-то облажались, а тем более в отношениях. Я как-то предложила Саймону сделать перерыв, а он в ответ записал нас обоих на прием к своему психотерапевту и проколол бровь. Все наладится, – Дарси прижалась ко мне головой. – Кстати, что тебе вчера сказали в больнице? Ты же была на УЗИ?

– А, все хорошо, – не было смысла ей рассказывать. – То ли стресс, то ли что-то такое.

– Том же с тобой ходил?

– Нет, он уехал в Питерборо, еще в воскресенье вечером. Мы с тех пор не виделись и не разговаривали.

– Да ладно? – взвизгнула Дарси. – Может, на пару ночей приедешь к нам с Саймоном? У тебя живот все еще болит?

Мы можем о тебе позаботиться.

– Нет, все нормально, – сказала я.

Мне больше не было больно, но теперь вместо боли появилось что-то другое, что-то тяжелое, что я никак не могла идентифицировать.

Возвращаться в квартиру, к напоминаниям о моих разваливающихся отношениях, не хотелось и по пути домой я заехала в Брикстон¹ купить ямайского хлеба. Надеюсь, что смогу запустить аппетит любимой успокаивающей едой. Я выползла по ступеням из подземки и, поднявшись наверх, остановилась отдышаться.

От уличных торговцев пахло травой, и я, чихая, свернула к рынку. Перепрыгнув через подозрительную лужу, я пошла дальше, сливаясь с толпой, как мне всегда здесь казалось, из тысяч людей. Я дошла до Брикстон-Виллидж и направилась к карибской пекарне, которую помнила еще со времен воскресных походов с бабушкой по магазинам. Я свернула за угол и двинулась к пекарне, но вместо нее уперлась в пафосную бургерную, полную юных парочек. На парнях были яркие футболки слишком больших размеров, а на их спутницах – яркие и слишком дорогие плащи.

Я сникла и зашагала в другую сторону, поворачивая туда

---

¹ Брикстон – район на юге Лондона, где расселили первых переселенцев с Ямайки в 1948 году (Ямайка была британской колонией в 1655–1962 гг.). Район иногда называют «маленькой Ямайкой».

и сюда и убеждая себя, что пекарня мне приснилась, а потом снова вернулась к бургерной. Еще минуту я стояла на месте, пытаюсь вспомнить, как когда-то туда заходила.

* * *

– Привет-привет, как дела твои, Сьюзи? – бабушка улыбнулась пухлой ямайской женщине за стойкой. В пекарне стоял сладкий аромат. Не приторно-сладкий, а сахарный, теплый и знакомый. Я встала на цыпочки и увидела ее кипенно-белый фартук, покрывавший мягкий круглый живот.

– Хорошо, дорогуша, спасибо, сама как? – ответила женщина, сверкнув золотым зубом. – А малышка-то растет!

– Уж растет так растет! – хихикнула бабушка в ответ.

Я подняла на нее взгляд и нахмурилась.

– Да что ж ты так кривишься? Она просто сказала, что ты выросла, – подбодрил меня показавшийся из рабочего помещения пожилой ямаец.

– Она у нас *очень* чувствительная, Питер, – бабушка отмахнулась от меня. – Так, давай я возьму хлеб – не этот, а вот тот большой. Нет, нет, *самый* большой. И еще один белый, одну булочку и масенький кексик для мужа, пусть хоть улыбнется, а то кислый совсем.

Женщина подала мне гигантский коричневый пакет с выпечкой и расплылась в улыбке.

– Уж ты помогай бабуле, она-то не вечная.

– Что ж Съюзи во все лезет-то? – спросила меня бабушка сдавленным шепотом, когда мы вышли из пекарни. – Иногда ямайцы *чересчур уж* фамильярничают.

* * *

Воспоминания подтвердили, что я ничего не путаю, так что я собралась с мыслями и подошла к рыбной лавке напротив.

– Извините, – обратилась я к продавцу рыбы, швырявшему осьминогов из аквариума в корыто. – Там напротив когда-то ведь была пекарня? – я указала на бургерную и ее сиявшую над лавками и магазинами неоновую вывеску. Я заметила, что на дверях многих из них висят таблички «ЗАКРЫТО» или «МЫ ПЕРЕЕХАЛИ».

Продавец не отвечал.

– Темно-зеленый фасад, хлеб в витрине? Не помню, как называлась, – продолжала я, стараясь во время разговора о любимой еде не смотреть на осьминожкой возню.

– Закрылись, – ответил, наконец, рыботорговец, ставя корыто на прилавок. – Аренду не потянули, – продолжал он на корявом английском. – А потом эти явились, – указал он на бургерную.

– Как? – воскликнула я? – Сколько же стоит аренда?

Как можно было настолько задрать цену, что люди, которых вынудили осесть именно в Брикстоне, которые устраи-

вались здесь, создавали свою общину, в итоге сдались и уступили свое место корпоративным бургерным?

Он пожал плечами и ушел, хлюпая резиновыми сапогами по мокрому полу.

* * *

Квини:

Том, ты сегодня будешь дома? Дай знать

Я стояла на автобусной остановке, и у меня опять начинал болеть живот. Я снова скрючилась, сделала глубокий вдох, а когда выпрямилась, передо мной остановился черный BMW, и доносившиеся из него басы выстукивали ритм и во мне. Окно со стороны пассажирского сиденья открылось, и из него вырвался ароматный дым. Я сделала шаг назад.

– Эй, жопастик! – послышался знакомый смех.

Это был мой старинный сосед, Ади, невысокий и красивый пакистанец с такими идеальными усами и бородой, будто их подстригали лазером.

– Как поживает твоя жопка с тех пор, как ты от нас уехала? Уже ждет меня? – он снова рассмеялся.

– Ади! Прекрати! – сказала я, смущаясь и подходя к машине. – Тебя люди услышат!

Ровно с той минуты, как я поселилась в доме отца, Ади не мог от меня отцепиться – он не давал мне проходу и до его

пышной индийской свадьбы с девушкой, с которой он встречался восемь лет, и после нее. Каждый раз при встрече он как бы невзначай заводил бесконечные разговоры о том, что черные женщины – запретный плод для мужчин-мусульман, но в основном его болтовня вертелась вокруг больших черных задниц.

– Может, тебя подвезти? – он улыбнулся. – Только если тебя тошнить не будет. Я видел, как ты там сгибалась.

– Спасибо, не стоит, – сказала я, поднимая вверх большие пальцы.

– Давай садись в машину, за мной там автобус, – он потянулся со своего сидения и открыл пассажирскую дверь.

Я открыла рот, чтобы снова отказаться, но от острой боли у меня подкосились ноги. Я влезла в BMW.

– Аккуратнее с обивкой! – сказал он громче, чем когда-либо. – Я на заказ сиденья делал.

Не успела я закрыть дверь, как Ади рванул с места на такой скорости, будто я сидела в центрифуге для тренировки космонавтов.

– Дай-ка пристегнусь, – сказала я, неуклюже дотягиваясь до ремня безопасности.

– Со мной тебе ничего не грозит, – он опять улыбнулся и положил руку мне на бедро. Блеснуло толстое серебряное обручальное кольцо.

– Ади, – сказала я, убирая ее. – Обе руки на руль.

– Так вот, о чем же я *говорил-то*, – начал он. – Эта жопка

уже ждет меня? Она вроде стала побольше.

– Она того же размера, Ади.

Зачем я села в машину? Лучше бы я просто скончалась на автобусной остановке.

В кармане зажужжал телефон. Я достала его, прочла сообщение от Тома, и у меня упало сердце.

Том:

Только увидел сообщение. Сегодня не вернусь.

– Я могу изменить твою жизнь, Квини, – Ади снова положил руку мне на бедро. – Представь: такая, как ты, и такой, как я. Отвечаю, у тебя никогда не было настолько классного секса.

Руку я не убирала.

* * *

Ади довез меня до дома и унесся, взвизгнув шинами, а я стояла перед дверью с ключом в руке, надеясь, что Том передумал и ждет меня внутри. Его не было.

Снова холодная квартира. Я забралась в постель и попыталась поплакать, чтобы стало легче, но это не помогло. Ничего. Звонила Чески. Я сбросила звонок. Позвонила и Мэгги, но я знала – она скажет, что ответ мне даст Иисус, так что тоже сбросила. Теперь звонила бабушка, а ее звонки сбрасывать нельзя, так что я ответила.

– Привет, бабушка, – прокричала я.

– Что случилось? – она всегда знала, что что-то случилось.

– Ничего.

– Ты знаешь, я всегда в курсе, когда что-то случается, Квини, – проворчала она, и пришлось сказать, что у меня голова болит.

– Ничего у тебя не болит. У нас не болит голова. Это тот белый парень, да?

– Не говори так!

– Так он белый или нет? Слушай, если тебе грустно, надо постараться не грустить. Если бы я позволила себе погрузиться в печаль, когда мне было четырнадцать и я забеременела Мэгги, куда бы меня это завело? – все бабушкины решения упирались в карибскую систему ценностей, которая обязывает меня согласиться с тем, что все мои проблемы – пустяки.

– Я знаю, но тогда было другое время.

– А ты уж у нас считаешь, что трудности зависят от времени? – она всегда начинает говорить на патуа², когда гордится собственными добродетелями.

Я снова заснула на диване, на этот раз с прижатой к животу грелкой, и проснулась от звука льющейся воды. Я заставила себя встать и потащилась в ванную, включая везде свет по мере продвижения по темной квартире.

---

² Патуа – ямайский диалект английского языка.

Том сидел на краю ванны спиной ко мне и пробовал рукой воду. Он закрыл холодный кран и встал, а потом увидел меня и слегка вздрогнул.

– Я думал, ты спишь, – тихо сказал он. – Испугала меня.

– Прости. Я думала, ты сегодня не приедешь.

– Допоздна задержался на работе и опоздал на последний поезд домой, – Том протиснулся мимо меня. – Надо немного горячей воды добавить.

– Но твой дом здесь, – сказала я ему.

Он не ответил.

Я начала раздеваться, а Том направился к двери. Моя голова застряла в вороте водолазки, открывая обзору мой некогда белый, а теперь уже почти бесцветный, лифчик и извивающееся туловище.

– Ты точно уверен, что хочешь от всего этого отдохнуть? – я вымученно рассмеялась, и ткань приглушила мой голос. Освободилась я как раз в тот момент, когда он закатил глаза и отвернулся.

– Вижу, ты собрала вещи, – я безошибочно узнала эмоциональную дрожь в голосе Тома. – Когда уезжаешь? – он прокашлялся.

– Можно я останусь до конца недели? – спросила я, забираясь в ванну и выключая горячую воду. – Мы бы так провели вместе еще несколько дней.

Том покачал головой.

– Мне не нравится эта идея, Квини, – он опустил крышку

унитаза и сел сверху, отвернувшись от меня. – Я завтра снова поеду к маме и папе.

– Когда же мы поговорим? – спросила я упавшим голосом.

– Не знаю, Квини, – ответил он, обхватывая ладонями голову.

Я хлопнула рукой по воде.

– Господи, ну почему ты так себя ведешь?

– Почему я так себя веду? – сказал он наконец в полный голос. – Последние несколько месяцев были кошмаром. Я все еще пытаюсь забыть то дерьмо, которое ты устроила на дне рождения моей мамы – это как минимум. Но Квини, ты *постоянно*, с самого начала отказывалась со мной разговаривать, все время, что мы были вместе!

У меня перехватило дыхание. Я не знала, что он все воспринимает именно так, и уж точно не ожидала, что он в этом признается.

– Ты никогда не рассказываешь, что не так, – продолжал он. – Никогда! Ты закрываешься, ты плачешь, запираешься в ванной, а я сижу на полу под дверью и твержу тебе, что со мной можно поговорить, если хочешь, но ты отмалчиваешься. Ты почти все время отталкиваешь меня.

– Но это мои заскоки!

– У нас у всех есть заскоки, Квини! – крикнул Том. – И я пытался жить с твоими, я честно пытался!

– Том, – ответила я тихо. – Каким бы говном я ни была, ты всегда прощал меня.

– Да, прощал, – он устался на свои ноги. – Но не уверен, что смогу так дальше.

Той ночью мы спали в одной постели, и я прижималась к спине Тома. Проснувшись на рассвете, я обнаружила, что он уже ушел. На столике стояла чашка остывшего чая, и с нее на меня жестоко смотрела буква «К».

Глава 2

Я не столько помогала с переноской вещей, сколько смотрела, как Ли с работы и Эрдли, друг моей семьи и самый миниатюрный в мире грузчик, таскают в мой новый дом сотни коробок и пакетов из IKEA, набитых книгами, одеждой и всякими безделушками.

Новое жилье было не идеальным. *Семьсот пятьдесят фунтов* в месяц, и это еще самый дешевый вариант, который я смогла найти в Брикстоне, в доме времен Викторианской эпохи и явно с тех пор не ремонтировавшемся. Когда я пришла смотреть комнату, то заметила, что кирпичи в стенах крошатся и осыпаются, а дверь оплетена плющом и сорняки заполонили весь сад. Я не знала и до сих пор не знаю, не завалилась ли там какая-то дохлятина, но там определенно пахло чем-то неведомым и невидимым.

Когда я вошла в дом, мне в нос ударил еще один запах, неприятный – что, впрочем, не удивительно. Несмотря на сырые пятна, бежево-коричневая старомодная кухня была очень даже ничего, хотя я и не могла представить, что стану там готовить. Также я не могла представить, что буду сидеть на горчично-желтых диванах в гостиной.

– Только это осталось, – сказал Эрдли с сильным йоркширским акцентом, так плохо сочетавшимся с его темной кожей и золотыми зубами, ставя на пол старый мамин туа-

летний столик. Это облупившееся и покрытое пятнами старье, самая странная мебель в моей жизни, превращало в головную боль каждый переезд, но я всегда таскала его за собой. Когда-то я часами могла наблюдать, как мама за ним прихорашивается. Я садилась на кровать у нее за спиной и подглядывала, как она вынимает из волос бигуди, умело собирает пряди маленькими нежными руками, а потом пересаживалась поближе и смотрела, как она мажется кремами и лосьонами, назначения которых я в детстве не понимала да и не очень понимаю до сих пор.

Лысая голова Эрдли блестела от пота, он упер руки в бока и потянулся, наклоняясь из стороны в сторону. Потом вытер лоб рукавом голубого комбинезона.

– Секундочку, спина просто отваливается! – Эрдли был как всегда жизнерадостен, несмотря на то, что я ставила его в жесткие условия и просила о помощи в последний момент, но у меня все внутри обрывалось каждый раз, когда он врезался этим столиком в стены.

– Мы можем как-то поторопиться и закончить, наконец, *пожалуйста?* – сказал Ли, приглаживая пальцами свои осветленные волосы. Он поглядел в небо, вытягивая шею и подставляя ее легкому ветерку. Его зеленые глаза сияли в солнечном свете. – У меня цвет кожи идеально совпадает с тональным кремом, а если я буду долго торчать на солнце, она потемнеет. И тон не подойдет, Эрдли.

– Ладно, продолжаем, – сказал Эрдли, потягиваясь в раз-

ные стороны всем своим жилистым корпусом. – Спина переживет.

Я оставила Ли и Эрдли перетаскивать вещи, а сама поднялась в свою комнату. Она была темнее, мрачнее и меньше, чем мне запомнилось. Во всех четырех углах виднелись пятна плесени, окно в сад было маленьким и грязным, на полу лежали дешевые бежевые ковры, как и по всему дому, а желтые стены были в пятнах и трещинах.

Спустя три секунды в мою новую спальню вошел Ли, а я стояла и рассматривала пятна сырости. Они что, стали больше с прошлого моего визита?

– Ты завтра на вечеринку идешь? – спросил Ли, опираясь на гору коробок.

– О боги, какую еще вечеринку? – я встала на ящик, чтобы поближе подобраться к пятну. В последнее время все планы вылетали у меня из головы.

– К Джеймсу, – ответил Ли. Я уставилась на него. – Парень Фрэн. Фрэн, школьная подруга Дарси. Нас пригласили на прошлой неделе.

– Ненавижу эти вечеринки.

Когда Дарси только начала звать меня на эти тусовки, мне казалось, что это какой-то социальный эксперимент или шоу со скрытой камерой, типа «засунь черного человека в сериал „Золотая молодежь из Челси“ и посмотри, что будет», но на самом деле эти встречи упрощаются до формата «пафосные люди и я».

– Никто не ходит на вечеринки *из любви* к ним, – сказал Ли. – Мы на них ходим, чтобы показать всем присутствующим, что мы лучше их, или просто чтобы отвлечься.

– А твой вариант какой?

– Первый. А ты, дорогуша, должна предпочитать второе. Тебе надо отвлечься от Тома и вашего разрыва – прости, «перерыва», или как ты там это называешь.

– Логично, – ответила я, бросаясь рыскать по сумкам и искать, что бы такое надеть. – Ты же пойдешь, да? – меня передернуло от того, насколько глубока моя потребность в одобрении. Прошел всего день, как я съехала от Тома.

– Посмотрю, может, заскочу после выступления Дона, но ничего не обещаю, может я уже под кайфом буду, – сказал Ли, вставая и подмигивая своему отражению в грязном окне.

Я не меньше остальных удивилась, что переехала в найденный через интернет дом, полный незнакомых людей. Сама перспектива наполняла меня ужасом, страхом и здоровым количеством отвращения, но с доходом в двадцать одну тысячу фунтов в год я могла рассчитывать разве что на чей-нибудь гараж.

Сами по себе мои соседи по квартире не казались особо противными, но меня очень нервировала перспектива жить с белыми, потому что мои унаследованные карибские стандарты чистоты на самом деле граничили с клиническим ОКР.

Я с детства видела, как бабушка моет бутылки, коробки

и все остальное, прежде чем убрать их в холодильник, а за хождение по дому в обуви она вообще готова была удавить.

Жизнь с Томом была не в счет, потому что я его приучила, и мы даже устраивали своеобразную «пробную уборку», приезжая в их семейный дом отдыха в Турции, что практически (но не совсем) нас и разлучило.

Экскурсию по дому мне устроили будущие соседи. Руперт – ему двадцать девять, он чуть ниже меня, и это его заметно раздражает, так что в глаза он не смотрит; по сути немногим серьезнее обычного мажора: борода и топсайдеры на босу ногу. Даже в конце сентября.

Вторая соседка – девушка (или женщина), Нелл, ей тридцать пять, она работает в кулинарии и укладывает короткие светлые волосы в два высоких пучка. Она приятнее второго жильца и уже признала, что у нее проблемы с алкоголем, наглядно мне их продемонстрировав, когда показалась в половине двенадцатого дня с огромным бокалом белого вина в руке.

В общем, как бы плохо здесь ни было, это все же было намного лучше некоторых очень, очень плохих вариантов с жильем. *Как* в одном доме могут жить семь человек и делить между собой два санузла – это был главный вопрос в моей голове, когда я осматривала первую комнату в Стоквелле, на последнем этаже узкого четырехэтажного дома. На всех четырех этажах был бардак, которого, думаю, не избежать, если втиснуть семь человек в кое-как переоборудован-

ное пятикомнатное помещение. Как минимум одна из больших комнат была разделена пополам занавеской.

По пути мне пришлось переступить через добрый десяток велосипедов, а кухня была так захламлена, что я могла бы поклясться: местные жильцы играют здесь в какую-то извращенную «дженгу».

Комната за грабительские восемьсот фунтов в месяц была абсолютно крохотной. Я бы едва втиснула сюда кровать, не говоря уж о книгах, которые мне всю жизнь приходится таскать за собой. Когда мелкое подобие Уитнейла в засаленном плаще и сланцах, которое показывало дом, выпустило меня и сказало: будем на связи, оба мы понимали, что этого не случится.

Вторым моим вариантом была студия в Камбервелле. Она совершенно не вписывалась в мой бюджет, но я посмотрела на Ютубе обучающее видео, как правильно торговаться, и собиралась применить его на практике. Пришлось пользоваться навигатором, чтобы найти дорогу к этому дому, так что мой маршрут петлял между жилых домов и живописных городских пейзажей.

Район выглядел совершенно серым, а навигатор, разумеется, повел меня неправильной дорогой, поэтому я решила срезать путь через парк, теряющий зимой всю свою камбервелльскую зелень, с маленькой детской площадкой в центре.

Я уже опаздывала, и когда, наконец, свернула на нужную улицу и прошла мимо группы нигерийцев, сидевших и бол-

тавших в люксовых машинах, пот заливал меня с головы до ног. Я прошла мимо дома номер двадцать три, то и дело заглядывая в навигатор, из-за чего была похожа на постоянно кивающую головой собачку, которых обычно ставят на приборную панель в автомобиле.

– Здравствуй, красавица, это ты у меня на пять часов? – спросил мужчина с сильным польским акцентом, выходя из резко припарковавшейся возле меня машины и благоухая застарелым запахом сигаретного дыма. У него был дешевый костюм и редеющие волосы.

– Квини. Да, извините, я заблудилась, – я сняла куртку и повесила ее на лямку рюкзака.

– Ничего, не волнуйся. У меня через пять минут следующий просмотр, так что быстрее, быстрее, – он улыбнулся так, будто эта улыбка должна была очаровать меня.

Вот зачем они *так* делают – назначают по сорок показов за раз, чтобы все паниковали и выбрасывали деньги на эти переоцененные и переполненные коробки, выдаваемые за квартиры?

Когда мы вошли, мне пришлось буквально втягивать живот, чтобы мы не вжимались друг в друга на несчастных десяти квадратных сантиметрах прихожей. Я стояла и прикидывала, как втиснуть свою мебель в такую крохотную комнату. Агент по недвижимости поразил меня до мозга костей, назвав стоимость месячной аренды.

– Тысяча двести? – ахнула я, вздергивая руку ко рту же-

стом, которым обычно изображают притворный шок. Но шок был настоящим.

– Красавица, ты же знаешь, сколько стоит жизнь в Лондоне.

– Меня зовут Квини, – напомнила я. – При чем тут стоимость жизни в Лондоне? Тут даже стиральной машины нет.

– Не проблема, прачечная рядом. Собираешь все в сумку, переходишь дорогу, платишь пять фунтов. Все просто.

– Тут нет духовки.

– Но есть же место для микроволновки, так? Смотри, электроплитка, – он открыл один из трех шкафчиков и указал на встроенную двухконфорочную электроплитку, глядевшую на меня так, будто она знала, что мне ее не хватит.

– Но это одно помещение! Кухня прямо в комнате! Я могу готовить болоньезе, не вставая с постели!

Агент заявил, что все в этой квартире – произведение искусства, новое или идеально отреставрированное, и что хоть в сад выходить нельзя, можно посмотреть на него из окна. Я выглянула в окно, увидела клочок травы и четыре бетонных плитки, спросила, где же остальной сад, но он попытался переключить мое внимание на санузел. Он открыл дверь в углу комнаты и предложил взглянуть. Я оторвалась от разглядывания сада и вошла, пригибаясь под низкой дверной притолокой и наткнувшись на провод от светильника.

– Выключатель здесь, – он пересек комнату и указал на три выключателя у входной двери. – Вот эти два включа-

ют свет в жилой зоне, — он по очереди щелкнул обоими выключателями, светильники вспыхнули искусственным белым светом, освещая кухонную поверхность и центр комнаты. — А вот это — ванная, — он щелкнул последним выключателем, и над моей головой загорелся свет.

— Почему в ванной нет окна? — спросила я, поворачиваясь, чтобы рассмотреть помещение, и задев рюкзаком буквально все вокруг — и душ, и кабинку с ванной, и раковину.

— Окна нет, но есть электровытяжка, — он открыл маленькую дверцу под панелью выключателей и нажал кнопку.

Над головой загудело.

— Видишь? И ванна, и все — новое. Мощный душ, новенький унитаз, раковина, — агент протиснулся мимо меня, почти прижавшись лицом к моему лицу, и открыл кран над раковиной. Вода не шла. Он закрыл кран, — Ты поселишься, и все будет работать.

— Не думаю, что мне это подходит, но спасибо, что уделили мне время, — сказала я, сделав пару шагов к входной двери.

— Да не спеши ты так, — сказал агент, делая шаг в мою сторону. — Есть способ немножко снизить цену.

Я отпрянула.

— Ну знаешь, услуга за услугу, — он прикоснулся к моему плечу и провел рукой вниз, к груди, приликая влажной ладонью к хлопковой ткани свитера.

Я отступила еще дальше и свалилась на кухонную стойку.

– Что такое? Ты не хочешь, чтобы мы помогли друг другу? – он ухмыльнулся, когда я потянулась к дверям и выбежала из комнаты. – Наш народ и ваш – похожи. Мы аутсайдеры. Сперва «брекзит», потом «блекзит»³, – хихикнул он.

Я вылетела из квартиры, подгоняемая омерзением и яростью, и побежала на следующий просмотр в Мичам, в квартиру, пропахшую лавандой. Вместо показа квартиры, две дамы, представившиеся Лиззи и Сарой, но не уточнившие, кто из них кто, усадили меня на диван и устроили допрос. Обе под сорок, вероятно, пара, и по обоим было понятно: они уже пожалели, что в объявлении о сдаче комнаты не написали, что хотят жильца чуть постарше, и вот к ним пришла я, вся как есть – растрепанные волосы, сползающая с плеч куртка и расстегнувшийся рюкзак, из которого на их прекрасный деревянный пол посыпались мои гигиенические принадлежности.

– Ты чистоплотная? – спросила первым делом одна из них. – Чистота важна.

– Ты шумная? – спросила вторая. – Мы с Сарой очень не любим шум.

– У тебя часто бывают гости? – уточнила она же – Лиззи, как я поняла. – Мы не приветствуем посещения.

– Ты много готовишь? – спросила Сара. – Мы не очень

---

³ По аналогии с «Brexit», означавшим выход Великобритании из ЕС («Britain» + «exit»): «black» (черный) + «exit» (выход). Многочисленные поляки, работавшие в Великобритании и теперь вынужденные вернуться домой – одна из самых пострадавших групп населения.

любим... пахучую еду. Занавески впитывают запах.

– Ты интроверт? – Лиззи сложила руки. – Мы с Сарой – настоящие интроверты.

– Ты бреешься? – поинтересовалась Сара. – У нас просто очень нежная канализация, и с густыми волосами она не справляется, – а вот это уже был *очень* личный вопрос.

– Мне просто нужна комната, мы с моим парнем временно расстались, и извините за драматизм, но если мне придется искать еще какое-то жилье, то я просто умру, – взорвалась я, и они подпрыгнули на месте.

– О нет, очень сочувствую, – тихо сказала Лиззи.

– А как вы... познакомились? – из вежливости спросила Сара, готовая на все, лишь бы увести разговор в сторону от перспективы поселить меня в своем доме.

* * *

– Я это читал.

– А? – я подняла взгляд на незнакомца, усевшегося рядом со мной, несмотря на то что в парке Клэпхем Коммон нас окружали бескрайние травяные просторы. Я пыталась про-вернуть весь этот фокус с «проводить лето на свежем воздухе», который людям так нравится, и если не учитывать на-секомых, то было неплохо. Разумеется, кто-то должен был явиться и все испортить.

– «Затерянный мир», – одной рукой незнакомец прикрыл

глаза от солнечного света, а другой указал на книгу. Хотя глаза его и были в тени, я разглядела их невероятную зелень. – Мне понравилось, как и продолжение. А вот фильм я не оценил.

– Это один из моих любимых фильмов, – сказала я, поднимая солнцезащитные очки на лоб.

– Ха, извини. Я Том, – сказал парень, протягивая руку для приветствия.

– Не люблю касаться незнакомцев. Ничего личного, правда. Я вообще не любитель прикосновений, – я отложила книгу на траву. – Я Квини.

– Прозвище⁴? Или это настоящее имя?

– Да. А Том? – улыбнулась я.

– Ну да, точно, – нервно усмехнулся он. – Живешь тут рядом?

– Нет. Просто люблю этот парк. Провела детство в этих краях.

– Круто. Ты здесь родилась?

Зачем он задает столько вопросов? Он из миграционной службы?

– ...в Великобритании? Ну да. Я, конечно, черная, но родом не из «смутных африканских земель».

– А ты, как я погляжу, забавная, – он снова рассмеялся.

– Забавная – в смысле «странная» или в смысле «весе-

---

⁴ Имя «Квини» (Queenie) звучит как уменьшительно-ласкательная форма от Queen («Королева»).

лая»?

– И то, и то. Не вижу ничего плохого в забавной странности.

– Согласна. Это моя личная фишка, – я улыбнулась, глядя в землю и теребя уголок книги. Впервые в жизни я встретила мужчину, который не пытается немедленно выбить из меня всю эту странность.

– У тебя красивые волосы. Такие длинные, – сказал Том. Я как-то не привыкла к тому, что мужчины делают мне комплименты. Так незнакомо и так необычно. Но очень приятно.

– Спасибо. Сама покупала, – я перебросила волосы через плечо и случайно попала ими Тому в лицо. Он пригнулся и опять расхохотался. Мне нравился его смех. Было совсем не похоже, что он смеется именно надо мной.

– А ты тут живешь? – спросила я, немного пугаясь собственной податливости.

– Нет, у меня работа поблизости, – он указал куда-то в сторону. – Я веб-разработчик. Начал несколько месяцев назад, но проект просто убийственный, сутками над ним сижу, – он улегся на траву. – Я тут просто кофе перепил, и у меня, видимо, взгляд стал безумным, потому что коллеги велели пойти подышать воздухом.

– Веб-разработчик, да? Круто, – сказала я восхищенно. – А можно один вопрос?

– Конечно, давай.

– Ты выбрал эту профессию, потому что воспринимаешь мир в виде кода, как в «Матрице»? – искренне поинтересовалась я.

– Ха, хороший вопрос, – и он опять рассмеялся этим своим приятным смехом. – Нет. Ну почти. Скорее, потому, что там все очень логично. Я люблю логику, люблю правила.

– Боже, а я нет.

– О, так ты бунтарь, – он поднял брови, такие же клевые, как и его смех. – А ты чем занимаешься, Квини?

– Пока ничем.

– А что в планах?

– В планах – изменить мир, – сказала я. – Во всяком случае, мир журналистики. Я в прошлом году получила диплом и совершенно им не пользовалась целый год. А утром я была на собеседовании в газете. *The Daily Read*. Представляешь, они собеседуют даже тех, кого берут на стажировку! Платить будут копейки, но они меня попросили выбрать *пять* сайтов о культуре и объяснить, почему они так успешны. Пришлось делать презентацию и все такое, – что-то я разболталась.

– Добро пожаловать в мир свободного труда, – сказал он, вставая и доставая из кармана телефон. – Блин, придется возвращаться. Ребята баг нашли, – его внезапное прощание застало меня врасплох.

– Ну пока, – осторожно сказала я.

– А можно попросить твой номер? – спросил Том слегка дрогнувшим голосом. – Я бы с тобой с удовольствием побол-

тал еще.

Я подняла бровь.

– Какой ты быстрый.

– Я уже говорил, я логичен. Какой смысл заводить разговор с красивой девушкой, если не собираешься попросить у нее номер?

– Это ты обо мне?

– Я тебе напишу, – сказал он, протягивая мне телефон. Я набрала свой номер. – Надеюсь, тебя возьмут на стажировку. Дураки будут, если не возьмут.

Я сидела и смотрела, как он уходит, слегка подпрыгивая при каждом шаге.

* * *

– Как-то примерно так мы и познакомились, – произнесла я с глубоким вздохом, закончив рассказывать сокращенную историю романтической встречи с Томом.

– Мы завтра перезвоним, – сказали они в унисон.

По пути домой я купила пачку сигарет и половину выкурила, сидя на ступеньках, прежде чем войти. На следующий день Лиззи и Сара мне отказали. Они решили, что «им стоит поискать другой вариант, постарше».

Глава 3

Я нарядилась к вечеринке и стояла перед зеркалом, собираясь с духом, чтоб выйти из квартиры. Соседей дома не было, так что я не могла отмазаться знакомством с ними и никуда не пойти. На мне было узкое черное платье – первое, что мне попало в куче нераспакованных вещей. Я покрутилась перед зеркалом, разглядывая свой живот. Отек спал, спазмы утихли. Я почему-то глубоко вдохнула и выпятила живот, как будто беременна. Потом медленно его погладила. «И что ты это делаешь?» – спросила я себя, злясь на отражение. А потом, хлопнув дверью, вышла из комнаты и из дома.

Я приехала на вечеринку, и там, у брашированной стеклянной двери люксовой квартиры, меня встретили Фрэн и Джеймс, которые неподдельно и без тени иронии считают себя «идеальной парочкой».

– Квини! Шикарно выглядишь! Какие волосы! Просто потрясающие, что ты с ними сделала? – щебетала Фрэн, прижимаясь к Джеймсу, обнимавшему ее обеими руками за талию.

Они в такой позе и пришли открывать дверь? Им обоим наверняка было неудобно.

– Ничего не сделала, все как всегда, – притворно улыбнулась я.

– Роскошно выглядят, – эхом прозвучал Джеймс.

– А Том не пришел? – спросил Джеймс, глядя мне за спину.

– Нет. Мы... э... – начала я, и у меня сдавило горло. – А давайте не будем о нем? – я вручила им бутылку вина.

Когда Джеймс и Фрэн отцепились друг от друга, он забрал у меня плащ, а она (надеюсь, не целенаправленно) проводила меня в уголок, где сидел Сэм, единственный чернокожий, кроме меня. Он был похож на Роя, маминого бывшего. Коренастый, невысокий, темнокожий и наголо бритый – как будто он специально так тщательно выбривает голову, чтобы ни один африканский волосок не пробился наружу – Сэм носил прозвище «Самбо». Он повернулся, увидел меня, и его сходство с Роем было таким сильным, что у меня все сжалось внутри. Я приветственно кивнула, а он посмотрел на меня безучастно, как всегда.

Я как-то сказала, что если он хочет покончить с прозвищем «Самбо», то я его поддержу, и спросила, смотрел ли он фильм «Прочь», но он жестко ответил, что это прозвище «ироничное». Он учился с Джеймсом в одной частной школе-интернате, был приемным ребенком белых родителей, и это заметно по тому, как он высмеивает все, что напоминает о черной культуре, а также повсюду таскает с собой молчаливую подружку-блондинку, как будто она символизирует его принадлежность к белым.

Нас с ним неоднократно знакомили, но он каждый раз делал вид, что меня не знает. Зануда. Мне всегда хотелось схва-

тить его за плечи и крикнуть: «Сэм, мы с тобой единственные черные на этом сборище, просто поздоровайся и все, совершенно не обязательно игнорировать меня только потому, что твои черные родители тебя бросили!» Но всегда лучше не высовываться, если знаешь, что тебя в любой момент могут отсюда выпихнуть, если кому-то вдруг станет слегка «некомфортно» в твоём присутствии.

Я направилась к бару, про который Джеймс много раз рассказывал – как он устроил его в своей не-совсем-холостяцкой-берлоге сразу же, как только поселился здесь. Про бар он говорил почти столько же, сколько про террасу на крыше, хотя моя нарочито вялая реакция на все эти понты не особо подтверждала, что я в восторге. Там я обнаружила Дарси, наливавшую себе белого вина.

– Ты пришла! – сказала она, доставая для меня бокал. – Будешь?

Я кивнула, взяла бокал и немедленно опустошила.

– Понятно. Переезжала сегодня?

Я снова кивнула.

– Отлично, тогда давай выпьем за ваше расставание.

– Я не буду пить за разбитое сердце!

– Мы пьем не за разбитое сердце, – ответила Дарси, наполняя свой бокал, затем мой. – Мы пьем за то, что вы сейчас оба немножко отдохнете, после чего ваши отношения станут даже лучше, чем были.

– Ладно. За это, пожалуй, выпью, – мы чокнулись, и я опять выпила до дна.

– И вообще Том был скучным на вечеринках, – напомнила Дарси. – Он вечно уводил тебя в уголок и рассказывал тебе о своей работе. Без него ты хоть повеселишься.

– Но со мной хотя бы был кто-то свой, – прошептала я, пока она тащила меня через всю комнату. – Плюс с ним я не боялась *его*, – мы прошли мимо Самбо, смотревшего на меня с презрением.

На вечеринке было море выпивки, я столько еще никогда не видела, и пока я топила в бокале все свои прошлые и будущие печали, Дарси быстренько ввела в курс дела Фрэн. Они тут же решили, что надо бы собрать вокруг меня своих школьных подруг и завести мне аккаунт на сервисе знакомств OkCupid, и для лучшего результата это нужно делать вшестером.

– Я не хочу, – сказала я, отдавая Фрэн телефон.

– Будет прикольно!

Я уже перебрала, так что протестовать не вышло.

– Так, нам нужно подчеркнуть твои достоинства. Например, пышную фигуру, – Фрэн подтолкнула меня к белой стене. – Может, слегка надуешь губки? Ох детка, как же тебе повезло с *такими* губами, – она восхищенно уставилась на мой рот.

Я стояла у стены и неуклюже складывала руки.

– Я не мастер гримасничать, – сказала я. – Может, мне

просто улыбнуться?

– Ладно, а ты можешь сделать, например, дерзкое лицо? – предложила другая девушка.

– М-м-м, вряд ли. Я наверняка буду выглядеть раздраженной, а парням не особо нравятся злобные черные тетки.

Девушки продолжали вертеть меня в разные стороны. И вдруг ко мне подошел парень, на которого Джеймс указал как на единственного своего коллегу без пары, и сказал, что мне не обязательно во всем этом участвовать. Он представился и подал мне бокал, в котором было нечто очень крепкое и без добавок – к этому выводу я пришла уже после того, как осушила его тремя жадными глотками.

Парень, сделавший такое смелое заявление, был высок, так что я даже обалдела, почувствовав себя рядом с ним довольно мелкой. Такое нечасто случается, поскольку по британским меркам у меня средний женский рост – правда, в отличие от большинства моих знакомых, размер XL.

– Почему это не обязательно? – спросила я, глядя снизу вверх и моргая миллион раз подряд, пытаясь изобразить кроткий взгляд, потому что лет в пятнадцать читала в журнале для девочек, что парням это нравится.

– Зачем тебе приложение для знакомств, если здесь есть я? – улыбнулся он. – Ты любишь эти игры? Я вот нет.

Я глотнула еще вина, и оно меня добило. Я в жизни еще не была такой пьяной.

– Прости, что ты сказал? – спросила я, теряя фокус.

* * *

– Что вы сказали? – переспросила я дядю Тома, с трудом врубаясь в произнесенное им. Я ощущала, как у меня горит лицо.

– Ну ты же не будешь воспринимать это всерьез, ладно? – протягивал Стивен в ответ. – Хватит, не надо этой *политкорректности*, глупышка, – он скрутил рукой игровые карточки, прежде чем шлепнуть их на стол. – Мы развлекаемся!

Я посмотрела на Тома, а он отвел взгляд и с неловкостью глядел на своего брата.

– Том? – резко обратилась я к нему. – Не смотри на Адама, посмотри на меня!

– Квини, не надо, – наконец, тихо произнес Том.

– Не надо? – спросила я, обводя взглядом присутствующих в надежде, что меня кто-то поддержит. – Ты вообще слышал, что сказал твой дядя?

– Он пошутил, Квини, не заводишься, – с издевкой сказал Адам. – И потом, персонаж действительно черный, так что...

– Я что, в параллельной вселенной? – я встала. – Твой дядя только что спросил: «Ниггер был в кладовке?», а тебе нечего сказать? – я посмотрела на Тома. – Если ты и дальше намерен делать вид, что меня здесь нет, то я ухожу.

Я вылетела из гостиной и врезалась прямо в Вив, которая

как раз выходила из кухни с праздничным тортом, настоящим произведением искусства, приготовленным, по ее словам, девяностопятилетней двоюродной бабушкой «несмотря на тяжелый артрит». Мы обе проследили взглядом за тем, как торт выскользнул из ее рук, упал на пол и приземлился с громким шлепком у наших ног, а глазурная надпись «60» осталась невредимой.

– Смотри, что ты натворила! – сказал Том из-за моей спины.

– Что случилось? – озадаченно и раздраженно спросила Вив. Она посмотрела на Тома, потом на меня, потом на кашу на полу.

– Спросите своего сына! – я перешагнула через торт и направилась к двери.

– Только попробуй *свалить*! – прорычал Том. – Почему ты всегда так серьезно относишься к этой фигне?

Я молча взглянула на Тома, завязывая кроссовки.

– Что, у нас опять молчаливый бойкот? Охренеть, Квини.

Я вышла и хлопнула дверью, а потом спустилась по тропинке на пустынную улицу. Я оглянулась посмотреть, не идет ли за мной Том, но дверь никто не открывал. Я шла и шла, пока не добрела до вонючей автобусной остановки и осторожно присела на скамейку, на сухой ее край, подальше от мокрого пятна с одной стороны и коричневого – с другой. Телефона с собой не было, курить я бросила много лет назад,

так что руки занять было нечем. Я сидела наедине с мыслями, пока не успокоилась. Почему Том никогда меня не защищает? Что будет через десять лет, когда его дядя снова произнесет это слово и выдаст очередную расистскую шуточку в адрес наших детей? Станет ли он защищать *их*, или они так и вырастут под нападками своей же семьи? Жаль, что нет специального справочника для межрасовых пар, с которым можно было бы проконсультироваться в таких ситуациях.

Я сидела на остановке, пока не стемнело и не стало страшно. Я не привыкла к провинциальной тишине, мне для чувства безопасности нужен вой сирен и шум проезжающих машин.

– Надо было получше это разрулить, – сказала я себе, наконец. – Его дядя – узколобый идиот, но он и правда ничего такого не имел в виду, – снова и снова повторяла я.

Наверное, мне было легче переживать такие вещи в тишине. Приезжали и уезжали автобусы, пассажиры, как и пешеходы, смотрели на меня все подозрительнее с приближением ночи. Я встала, собираясь вернуться в дом, дрожа от осеннего ветра.

– Квини.

Я вгляделась в темноту. Том.

– Вот ты где. Тут ужасно воняет, – сказал он и глубоко вдохнул. – Прости, что я распахивался.

Я молчала.

– Но так нельзя, Квини, – его голос звучал разочарован-

но. – Я понимаю, что в твоей семье все такие громкие и что у вас принято решать проблемы с помощью крика, но в моей семье все иначе!

Он посмотрел на меня, словно ожидая извинений, прежде чем продолжить.

– Это постоянно повторяется, и я уже не знаю, что делать. Я не могу тебя защищать, если тебе кажется, что защищать тебя нужно от моей семьи.

Том трагически провел руками по волосам, и я закатила глаза.

– Ты же знаешь моего дядю, он из того поколения, в котором слово на «н» произносили *довольно* часто.

Я подняла на него взгляд и медленно моргнула. Он уже знал, что это означает: «Если ты думаешь, что я соглашусь, то сильно ошибаешься».

– Я его не оправдываю, – добавил он поспешно. – Но блин, нельзя же из-за этого портить моей маме день рождения.

Молчу.

– Держи, – проговорил, наконец, он, подавая мне мою куртку и рюкзак. – Я все сложил.

– Спасибо, – меня тронул этот добрый жест. К тому же, очень легко простить человека, который приносит куртку, когда ты мерзнешь. – Не стоило утруждаться, – тихо добавила я и взяла вещи. Потом надела куртку и потянулась к Тому.

– Нет, – сказал он и отступил.

– Что такое? Давай забудем и все. Мне надо было побыть

одной, я успокоилась. Я хочу извиниться перед мамой. Мне очень стыдно, торт был такой красивый, и повод такой торже...

– Уезжай домой, – твердо сказал Том, перебивая на полуслове. – Ты испортила маме день рождения. Она до сих пор вытирает там крем со стен, после того как ты свалила. Мне не нужны твои драмы.

Я ощутила, как гнев, отпустивший меня на остановке, снова нарастает.

– Мои? Драмы? Мои? – вспыхнула я.

– Отсюда ходит автобус до станции. Ближайший поезд через час, – сказал Том, глядя мимо меня. – А я на несколько дней останусь с родными.

– То есть я должна возвращаться в нашу квартиру одна? Ты же знаешь, что я не могу спать одна!

– Ты постоянно так делаешь. Перегибаешь, – сказал Том, понижая голос. – Ты перегибаешь палку, Квини.

Я было открыла рот, но промолчала.

– Нормально тебе добраться, – сказал он, разворачиваясь и уходя.

– Знаешь что? – крикнула я ему вслед.

Он остановился.

– Надеюсь, твоя следующая девушка будет белой. Чтобы она тебе ничего, нахрен, не перегибала!

Он еще секунду постоял и пошел дальше, исчезая во тьме.

– Мне нужно в ванную, – сказала я, уходя от Рича в комнату Джеймса, где села на кровать, чтобы немного прийти в себя.

Я уже собиралась выходить, как услышала за дверью шаги. Я подошла, тихонько ее приоткрыла и увидела в конце коридора Фрэн, пытавшуюся отпереть входную дверь непослушными руками. К ней подбежал Джеймс.

– Фрэн, блин, да остановись ты! – прошипел он.

Мои пьяные глаза и уши обманывали меня? Из-за чего может ссориться «идеальная парочка»?

– Нет, все отлично, возвращайся и продолжай с ней мило болтать! – рявкнула Фрэн в ответ непривычно высоким, пронзительным голосом. – Ты зачем ее позвал? Как вообще можно пригласить свою бывшую, тем более точно *зная*, что она до сих пор в тебя влюблена, на гребаную вечеринку, которую устраиваешь *вместе* со своей девушкой?

Я опустила у двери на колени и привалилась на гору курток, чтобы было удобнее. Не так уж часто можно увидеть, как у тебя на глазах распадается идеальная пара.

– Перестань, Фрэн, у нее есть парень! – слышала я умоляющий голос Джеймса.

– Да неужели? Его никто в глаза не видел, *Джеймс*. И... И я знаю, что ты читаешь ее Фейсбук, *несмотря* на то что

зависаешь с ней стабильно раз в две недели! – ее голос каким-то образом становился все выше.

– Успокойся.

– Хватит меня успокаивать! Я так больше не могу, Джеймс. Дело не только в тебе и Эви. Я целый день работаю, потом еду сюда, глажу твои рубашки, готовлю тебе ужин, а ты приезжаешь к ночи или не приезжаешь вообще! И ты не зовешь меня к тебе переехать! Вечера с мужиками важнее для тебя, чем вечера со мной, как, кстати, и время, проведенное с Эви, хотя тебе кажется, что я о нем не знаю. Как не знать? Она постит в Инстаграме свой каждый чих, и поверь мне, лучшие фильтры достаются твоим фоткам. Мы с тобой три года вместе, а свадьбой и не пахнет. Ты хочешь, чтобы я была с тобой, но без обязательств, я же вижу. И я так не могу.

Мне казалось, что она вот-вот взлетит. Ей отлично удавалось звучать так, будто она по меньшей мере надышалась гелием.

– Да брось, Фрэн! – фыркнул Джеймс. – Ты просто слегка перепила.

Я не сводила глаз с Фрэн, которая быстро направилась к комнате Джеймса и резко открыла дверь.

– Извини, я просто искала... – проблеяла я.

Фрэн перешагнула через меня, и я поднялась с колен.

– Я еду домой, – пискнула Фрэн. – Пока, Квини. Кстати, сочувствую насчет Тома, – она схватила сумку со стола, вихрем пронеслась мимо меня, потом мимо Джеймса, и убежала.

ла, грохнув входной дверью. Я протиснулась мимо Джеймса и направилась в гостиную.

– Все будет нормально, дружище, – сказала я, коснувшись его руки.

Я вернулась к остальным гостям, но все мысли вертелись только вокруг Тома. Мы сделали друг другу больно, но ведь через это проходят все пары, через взаимные обиды. Вот же, Фрэн и Джеймс! Я достала из кармана телефон и набрала Тома. Нет ответа. Я позвонила еще раз – опять ничего. И еще дважды. Я села на диван, а вокруг все болтали и танцевали. Телефон вдруг зажужжал в руке.

Том:

Не будем нарушать перерыв, Квини

Я читала сообщение Тома, и перед глазами все плыло. Я тосковала по нему до боли в груди. Неужели он не скучает? Как он может игнорировать мои звонки? Я потихоньку выскользнула наружу и остановилась за дверью, собираясь вызвать «Убер». На холоде я слегка протрезвела.

– Идем?

Рич бесцеремонно подошел ко мне и обхватил рукой за талию. Я не хотела возвращаться в новую квартиру одна, но посмотрела в недобрые глаза Рича, вспомнила, как впервые встретилась взглядом с Томом, и поняла, что я не хочу уходить *с ним*.

Я снова достала телефон и набрала Тома. Он по-прежнему

не отвечал.

Я начала придумывать, что могло бы улучшить мне настроение.

Ничего.

Я спросила себя, что мне нужно для счастья.

Ответ был «Том». Но Том не отвечал. На что отвлечься, пока он не отзовется?

Квини:

Ади, можешь забрать меня из одного пафосного дома в Фулхэме? Можем прокатиться, как ты давно предлагал

Я попытала удачи. Два часа ночи. Не ответит через пять минут – вызову «Убер».

Ади:

Ты серьезно?

Он ответил еще до того, как я убрала телефон в карман.

Квини:

Вполне. Почему нет?

Ади:

Правда? Ты не обманиваешь?

Квини:

Я сейчас передумаю, я замерзла

Ади:

Ладно, ладно, а где твой белый? Он может

посмотреть на меня в деле, покажу ему, как надо

Квини:

Мы расстались

Ади:

Честно?

Ади:

Хаха

Ади:

Так не бывает

Квини:

Ты едешь или нет?

Ади:

Квини, раз уж такое дело, то придется меня пригласить. С твоей жопкой мне нужно много места для маневра, понимаешь? В машине ты не поместишься, ПОВЕРЬ

Квини:

Я только что переехала, везде коробки. Кровати нет. И хватит меня дразнить

Ади:

Ладно, не начинай. Сейчас приеду. Пиши адрес

Через двадцать минут я уже валялась на почти полностью разложенном пассажирском сидении блестящего чер-

ного BMW Ади, потому что «район знакомый, не хочу, чтобы меня видели в машине с другой девушкой, а не с женой».

Я откинулась назад на этой импровизированной постели, дрожа от легкой гнусавости его томного голоса.

– Что мы делаем? – спросила я, с моего места было ничего не видно. Адреналин полностью вытеснил весь алкоголь из моей крови.

– Не волнуйся, ладно? Расслабься и все, – сказал Ади, заводя руку между моих бедер и демонстрируя улыбку, которая, по идее, должна была считаться очаровательной. Я обратила внимание на белизну его зубов и отвлеклась. Наверное, кучу денег тратит на зубы – я же знаю, сколько он курит.

Ади вел машину, а мне становилось не по себе. Что я творю? Мне вообще можно заниматься сексом, учитывая проблемы по гинекологии? Жаль, что врач так мало мне объяснила.

Машина замедлила ход.

– Можно мне нормально сесть? – спросила я, поднимаясь. – Глупо себя чувствую.

Я оглянулась по сторонам, пока Ади парковался. Когда он погасил фары, а мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что вокруг нас что-то вроде складской парковки.

– Часто здесь бываешь? – спросила я, но он не ответил. Ади явно не считал меня очень уж прикольной.

– Давай снимай свои трусики, – заявил он, сразу переходя к делу.

Я задрала платье и собралась было стащить с себя трусы.

– Ты почему такие широкие трусы носишь? Я люблю девочек в стрингах.

– Знаешь, ты можешь просто отвезти меня домой, – ответила я, одергивая платье.

– Ай, не психуй. Я просто сказал.

Я стащила трусы и, пытаясь выглядеть сексуально, сперва оставила их болтаться на лодыжках, а потом сняла и убрала в бардачок.

– А теперь я хочу, чтобы ты повернулась и показалась сзади, – велел Ади.

– В смысле, перебраться на заднее сиденье? – спросила я.

– Не-а, просто развернись на своем сиденье и задери платье, чтобы я посмотрел на твой зад.

– Что? Зачем? – до меня никак не доходило, чего он хочет.

– Потому что мне нравятся черные *жопки*, Квини. Вот за чем. У моей жены милая мордашка, но она тощая. Без жопки.

Он развернул меня так, как ему хотелось, и я просто делала, что велят, потому что, если честно, подчиняться было проще, чем задумываться.

Если бы я начала задумываться о том, что делаю, мне пришлось бы также задуматься о том, зачем я это делаю, а к такому я была не готова.

– Ты можешь включить печку? – просила я. – Тут прохладно.

– Тс-с-с, – прошептал Ади и хлопнул меня по заднице.

Я вскрикнула и уставилась в окно, пытаясь переключить внимание на что-нибудь, совершенно не связанное с машиной. Потом сфокусировала внимание на стоявшем в отдалении фонаре.

Он снова меня шлепнул.

– Тебе нравится, да?

Я посмотрела на Ади, который снова изображал соблазнительную улыбку. Потом на фонарь.

– Да, – ответила я.

– Хорошо, хорошо, – он снова шлепнул мой зад, а потом поцеловал. Я почувствовала, как его борода уколола кожу.

– Хочешь увидеть мой прибор? Он уже встал, – Али указал на свою ширинку.

– Твой...?

– Мой прибор, член, хочешь? – улыбнулся он.

– Да я понимаю, что ты имеешь в виду под своим «прибором», но зачем ты спрашиваешь? Я думала, что в какой-то момент я и так все увижу, так что спрашивать не обязательно, – рассмеялась я.

– Тебе обязательно постоянно меня обламывать? Я хоть в универах и не учился и разговоры разговаривать, как ты, не умею, но я не идиот! – пробурчал Ади.

– Нет, нет, я не хотела, извини. Правда, продолжай. Пожалуйста, Ади. Покажи мне свой «прибор».

– Ладно, – улыбнулся он, утихомиривая задетую гор-

дось. – Это уже ближе к делу.

Дрожащими руками он расстегнул джинсы, стащив их вместе с подштанниками. Было, конечно, холодно, но не настолько, чтобы так утепляться. Обнажившись ниже пояса, он гордо предъявил мне свой «прибор». Обрезанный. Как и с сексом в машине, я с таким сталкивалась впервые.

– Ну, что скажешь? – спросил Ади с нервной ухмылкой.

– Про твой пенис? – вежливо поинтересовалась я.

– Да, про мой прибор, – пожал плечами он.

– Неплохо? – попыталась угадать я. Какой ответ правильный?

– Ну как он, *большой*? – спросил Ади, почти раздражаясь, что я не осыпаю восторгами его мужское достоинство.

– А это важно? Это не имеет значения.

– Ты что, хочешь сказать, что он маленький!?

Мне уже кажется, что я ежедневно трачу половину своего активного времени на закатывание глаз.

– Нет, Ади. Он огромный. Я такого огромного *не видела* за всю свою жалкую жизнь. Как он во мне поместится? – безучастно сказала я.

– Да, *вот*, вот я о чем толкую, – Ади взволнованно подпрыгнул на сиденье. – Хочешь потрогать?

Я обхватила его рукой и, когда начала ритмично ею двигать, удивилась тому, каким странным кажется член, когда он такой – просто пенис, анатомическая модель из учебника, а не знакомый и намного менее пугающий пенис любимого

человека.

* * *

– Квини, проснись!

– Я не сплю! – сказала я. – Не сплю. В чем дело? Где я?
Комнату осветила настольная лампа Тома.

– Все хорошо. Ты у меня, – ответил Том, глядя меня по руке. – Кажется, тебе приснился кошмар.

– О господи, извини, – простонала я и смущенно отвернулась от него.

– Я думал, в дом забрались воры – ты вдарила мне прямо в челюсть и начала мне что-то кричать.

– А что я кричала? – быстро спросила я, взглянув на него.

– Я ничего не смог разобрать, – сказал Том, аккуратно трогая свой подбородок. Какое облегчение.

– Прости, пожалуйста, – ответила я и потерла глаза. – Я хотела предупредить тебя, но мы так быстро заснули.

– Это *ты* быстро заснула, тебя мгновенно срубило, – сказал Том, протягивая мне стакан воды.

Я села и одним махом выпила всю воду.

– Надо было предупредить тебя, что мне мало надо.

– Два бокала вина. Всего *два*.

– На голодный желудок! – я отдала ему пустой стакан.

– Ты точно в порядке? – спросил Том, одним движением обнимая меня и укрывая нас обоих одеялом.

– А *ты*? Прости, что стукнула, – я повернулась к нему лицом.

– Ничего, поделом мне.

– Не гарантирую, что это не повторится, – тихо сказала я. – У меня бывает.

– Все нормально. У всех бывает, – ответил Том, целуя меня в лоб.

– Да, но я могла тебя вырубить.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь свою силу, Квини, – он снова рассмеялся.

– Может, если поцеловать, то станет легче? – Я осторожно поцеловала Тома в подбородок.

– Да, так лучше.

– Хорошо, достаточно, – сказала я и закрыла глаза.

– Нет, нет, снова заболело, думаю, тебе придется повторить, – ответил Том, выпячивая челюсть.

Я опять поцеловала его, и вдруг он так повернулся, что наши губы соприкоснулись. Мы целовались, и вот он уже оказался на мне.

– погоди, Том, ты прижал мои волосы, – сказал я, пытаюсь их вытащить.

– Черт, прости, – отозвался Том, поднимая руку. – Цела?

Я кивнула и улыбнулась. Мы снова поцеловались, и мне так нравилось ощущать его вес на себе. Под ним было так... безопасно.

– Почему они постоянно выпадают? – спросил Том, оста-

навливаясь и собирая в горсть мои рассыпавшиеся по подушке косички.

– Да не выпадают они! – мне стало смешно. – Но голова у меня точно будет болеть.

– Ладно. Может, ты их завяжешь?

Том откинулся на подушки и смотрел, как я выбираюсь из постели и бегу к рюкзаку. Я достала резинку для волос и бросилась обратно под одеяло.

– Ты можешь меня не рассматривать? Ты впервые видишь меня голой, и я пока не готова показывать тебе все свои недостатки, – сказала я и отвернулась.

– Что? У тебя нет недостатков, – ответил Том, садясь и целуя меня в плечо.

– Да у меня кругом недостатки, на самом деле, – сказала я, сворачивая волосы в пучок на макушке и стягивая их резинкой. – Я сама – сплошной недостаток.

– Фигня, – засмеялся он и перетащил меня на себя. Я почувствовала эрекцию через его трусы. – Я внимательно смотрел. У тебя все отлично.

– О! А что это у нас тут?

– Я бы пошутил о том, какое прозвище можно дать пенису, но сейчас это будет не в тему, не находишь?

– Том, – ответила я. – Если честно, это всегда не в тему.

– Я называю его «Разрушитель», – уверенно сказал Ади. – И Разрушитель хочет оказаться у тебя во рту, – он подмигнул.

– Прости, нет, – улыбнулась я.

Я *очень* щепетильна насчет таких вещей. Что интересно, проблема не во рвотном рефлексе – дело в самой сексуальной игре.

– Ай, да ладно, ну отсоси, умоляю, – сказал Ади, хмурясь.

– Боюсь, что никак.

– Может хотя бы поцелуешь?

– Поцелую твой пенис? Нет.

Я просто хотела секса, чтобы слегка отвлечься, а не все вот это вот.

– Ну немножко, пожалуйста! – уговаривал Ади.

– ...Извини, не знаю, что тебе сказать.

– Ну хоть лизни разок.

– Нет.

– Ладно, хотя бы плюнь на него.

– У меня такое ощущение, что чем дальше ты просишь, тем больше раздражаешься. Так что я, пожалуй, на этом закончу.

– Ладно, ладно, Господи ты боже мой. У вас, черных, такое самомнение, – Ади вздохнул. – Раз уж ты мне не отсо-

сешь, может, переберемся назад?

В автомобильном варианте это равнозначно приглашению перебраться в спальню? Желая побыстрее закончить, я без малейшего изящества протиснулась между водительским и пассажирским сидениями и стащила платье через голову.

Ади переполз ко мне и усадил меня к себе на колени. Он удовлетворенно застонал, когда я опустилась на него сверху, потом прижал меня к своей груди и положил подбородок мне на плечо.

Целовать его я не хотела. Это слишком интимно. Я ритмично двигалась вверх-вниз, медленно, размеренно, прислушиваясь к стонам Ади. Не отрывая взгляда, я смотрела на тот фонарь. Кажется, я ни разу не моргнула.

* * *

– Ты когда-нибудь занималась сексом в машине? – сказала я вместо приветствия, высунув голову из нашей залитой неоновым светом кухни для сотрудников.

– Что? – переспросила Дарси.

Я подставила кружку с логотипом *Daily Read* под струю кипятка и бросила туда чайный пакетик.

– В машине, – повторила я, доставая из навороченного хромированного холодильника молоко.

– Нет. А ты? – Дарси взяла у меня молоко и налила в свою чашку, прямо на пакетик. Я недовольно наблюдала за этим.

– После вечеринки, – сказала я, заливаясь румянцем со стыда.

– С водителем «Убера»? – спросила Дарси, с размаху ставя чашку на стол. – Квини!

– Что? – фыркнула я. – Нет! Конечно нет!

Мы приготовили чай и переместились в переговорку по соседству. Все комнаты в здании были со стеклянными стенами, так что пришлось разложить ручки, бумаги и айпад, чтобы все выглядело так, будто мы обсуждаем работу.

– Не с водителем «Убера». С Ади, – сказала я, глядя на улицу и людей за окном.

– Ты серьезно? С этим озабоченным, который постоянно спрашивает про размер твоей задницы? – у Дарси упала челюсть.

– Да знаю я все, но мне было так одиноко после вечеринки, к тому же я перепила, так что написала ему, совершенно не ожидая, что он ответит, но он ответил, и я теперь переживаю.

– Из-за Тома? Но вы же взяли паузу, так что все, что ты делаешь в этот период, не считается.

– Отчасти да, но в основном из-за того, что это не мое. Я никогда так не поступаю! – воскликнула я.

– Смотри. У тебя сейчас довольно сложный период, так что тебе позволено делать какие-то странные и несвойственные тебе вещи, – успокоила меня Дарси. – И ты знаешь, что я никогда не стану тебя осуждать, но скажи мне, ты хотя бы

предохранялась?

– Мы предохранялись, – соврала я и собралась добавить кое-что еще, понимая, что стоило бы рассказать ей о выкидыше. – Никаких детей от озабоченных.

Рабочий день прошел вяло, и я задержалась допоздна, чтобы подольше не возвращаться в жилье, которое я даже не начала обустраивать. В автобусе по пути домой, пытаясь скрыться от накатывавших волн вины за случившееся в машине, я перечитывала нашу с Томом переписку в надежде, что он ответит. Ни слова с тех пор, как вечером в воскресенье он напомнил о «чистом перерыве». Телефон зажужжал, я проверила сообщения, почту и WhatsApp, но так и не поняла, что за уведомление мне пришло. Я пролистала приложения в телефоне и обнаружила, что значок непрочитанных сообщений светится под иконкой с сердечком. Это был OkCupid, приложение для знакомств, которое мне установили девчонки на вечеринке. Я глубоко вдохнула и открыла приложение, не зная, чего ожидать.

Классные фотки. Твои сиськи поместятся в моих руках?

От: Любитель_Траха

Вот так это и работает? Я молодая женщина, у меня хорошая работа, весьма неплохие фото, а первое же сообщение – про мои сиськи?

Классная фотка, где ты улыбаешься. Что еще твой

ротик умеет?

А второе – про мой рот. Фантастика.

Шоколадка:)

А вот и классический расовый фетишизм. Отлично, просто прекрасное начало.

Какие линии. Люблю крупных девушек.
Предпочитаю порно с BBW

Интересно, женщины на это ведутся?

Давай встретимся, шоколадка. Что скажешь?

О, еще раз о шоколадке. На этот раз от «Секси69», у которого возрастные предпочтения отличались удивительной взыскательностью – от 18 до 99 лет.

* * *

Вернувшись домой, я еще раз просмотрела сообщения в OkCupid. Неужели так будет выглядеть моя жизнь без Тома? Толпы мужиков, обзывающих меня разнообразными кондитерскими изделиями? При всех его неврозах, любви к логике и расистской семье, в его компании я понимала, что со мной происходит. Он хотя бы заботился обо мне, с ним мне было легко игнорировать все эти плохо завуалированные сексуальные домогательства. Как заставить Тома снова любить меня? Неужели время может нас спасти? Я тяжело вздохнула

и стала готовиться ко сну. Утром надо было съездить в больницу и убедиться, что все «прошло гладко». Как бы мне хотелось с кем-нибудь поговорить об этом, но, как и с остальными подробностями моей жизни, о которых я бы предпочла забыть, лучше оставить все как есть и двигаться дальше.

* * *

В больнице все прошло нормально. Выяснилось, что «зародышевые ткани, к счастью, полностью вышли», но после секса с Ади опять появились боли, и мне прописали антибиотики для предупреждения возможной инфекции. Секс того не стоил. Рассказывать ли об этом Тому? В смысле, *не об Ади*. Мне казалось, он должен знать о выкидыше, потому что это ведь и его касается, разве нет? Или я рассуждаю слишком романтично? Правило «не нарушать перерыв» наверняка не касается случаев, когда речь идет о выкидыше. По пути на работу я написала ему сообщение.

Квини:

Привет, Том. Ты не мог бы мне позвонить? Это важно.

Я вернулась на работу в оцепенении от страха перед курсом антибиотиков и оставшуюся часть дня улыбалась коллегам и перебирала в уме причины, по которым Тому следовало бы узнать о выкидыше. Твидовые Очки заметил меня в

курилке и, проходя мимо, на мгновение притормозил, будто собирался что-то сказать, но пошел дальше. Может, хотел припомнить, как я несколько недель назад прошлась по его туфлям; они *и правда* были очень пижонскими.

Я убрала телефон в ящик стола, пытаюсь завершить хотя бы самые простые дела, и когда достала его спустя четыре часа, ни одного пропущенного вызова от Тома не обнаружила. И ни одного сообщения. Вот и ответ на мой вопрос. Он не заслуживает того, чтобы узнать о выкидыше, – злобно подумала я.

Все еще не в состоянии сконцентрироваться на работе, но уже с меньшим стыдом по поводу Ади, я проверила OkCupid. Я кое-что дописала в профайл и в раздел «Обо мне», чтобы напомнить мужчинам, что я еще и личность, а не только объект, с которым можно заняться сексом. Оказалось, что печаль, вызванную молчанием любимого человека, можно на время заглушить уныло будоражащим вниманием незнакомых мужчин.

Хороший профайл.

Как дела? Я просто скажу, что знаю, как правильно обращаться с девушкой твоей комплекции. Может, я и не черный, но поверь, мой член ничуть не хуже.

...Пусть даже и не самым приятным.

Глава 4

Я написала Чески. Она моя самая давняя подруга, с самого первого дня в школе, когда мы нашли друг друга в море белых лиц. Мы все носили бейджи, и она просто взорвала мой маленький и пришибленный Западом мозг, сообщив, что имя «Куазике» читается как «Чески». Так по сей день и продолжает взрывать.

Квини:

Чески, чем занята?

Чески:

Ничем. Бездельничаю. А ты?

Квини:

Валяюсь, грущу

Чески:

Приезжай

По пути к ней телефон начал жужжать под наплывом просьб. Она не изменилась со школы.

Чески:

Можешь купить бутылку лимонада?

Чески:

И чипсы с курицей, у меня загрузочный день

Чески:
И Твикс

Чески:
НЕ лимонад, я передумала. Лучше сок.

Я дошла до дома Чески, типовой высотки среди таких же домов, с голубым пластиковым пакетом в руках. Зайдя в лифт, я приблизила лицо к грязному зеркалу и потрогала мешки под глазами. Откуда они у меня? Я поднялась на девятнадцатый этаж и постучала в дверь Чески. Потом снова постучала. Не открывает.

Я протянула руку через железную решетку перед дверью и снова трижды стукнула. Чески так стремительно распахнула дверь, что порыв пахнувшего едой воздуха растрепал мои волосы.

– Женщина, что ты грохочешь, как полицейский?

Я закатила глаза, а она отперла решетку и отошла, пропуская меня.

– Как твое ничего? – спросила она, обнимая меня.

Кажется, я слишком долго держалась.

– Ох, детка. Страдаешь?

– Страдания слишком реальны, как говорит моя кузина Диана, – я разулась и тихонько побрела в гостиную. – Я уже это говорила, да?

Я слышала, как Чески смеется, закрывая решетку.

– Что ты крадешься? Мамы дома нет, она на этой неделе

в ночную смену, – Чески приближалась ко мне, все так же смеясь.

– Привычка. Как она? – я тем же манером добралась до бирюзовой гостиной и улеглась ничком на кремовый диван, зарывшись лицом в того же цвета подушки в разводах темного тонального крема.

– Устала, детка. Ее поставили в ночные смены в доме престарелых в Камбервелле, а потом она едет на дневную в Модсли.

– Когда же она спит? – я повернула голову, чтобы взглянуть на Чески, и уперлась взглядом в огромный телевизор, занимавший всю стену.

– Она вроде бы отдыхает, когда старики спят, но это не тот сон, который *сон*, если ты меня понимаешь. Она же на дежурстве. Но она так работает не первый год, так что привыкла. А как твоя... – Чески заколебалась.

– Моя что?

– Прости, хотела спросить, как дела у твоей матери.

– Наверняка нормально. Видимо, все еще пытается показать характер, – проворчала я, чувствуя, как у меня портится настроение.

– Она... э... все еще в том хостеле? – когда беседа касалась моей мамы, Чески включала осторожность.

– Не знаю, – жестко ответила я, желая закончить разговор. – Я слышала, поговаривали о судебном иске, и это все.

– С ума сойти. Ладно, давай я тебе лучше расскажу, как

сходила на свидание, – сказала Чески, готовая на все, чтобы меня развеселить. – Ты принесла?

– В смысле – «принесла»? Перекусить? – сказала я, швыряя ей пакет. – Тоже мне, нашла себе дилера.

Чески достала чипсы и принялась ими хрустеть.

– Я тебе ща расскажу. Короче, я сидела на работе и... Ой, слушай, будь другом, сделай доброе дело! – она вскочила и выбежала из комнаты.

Я взяла пульт и включила шестидесятидюймовый телек. От яркости экрана у меня чуть глаза не вытекли.

– Не маловат телевизор? – крикнула я ей.

Чески вернулась в гостиную.

– Мы вряд ли когда-нибудь сможем купить собственный дом в Лондоне, так? Мы всю жизнь будем торчать в этой муниципальной квартире, детка. Ты думаешь, моей маме дадут ипотеку? А по законам африканской семьи, я не могу съехать, пока *мне* не дадут ипотеку, и мы все знаем, что этому не бывать. Так что будем тратить деньги на вещи, которые приносят нам радость.

– Да, или на вещи, которые лишают вас зрения, – сказала я. – Он же всю комнату занимает.

– Умоляю, помоги расплести наращивание, – Чески подавала мне лезвие. – Волосы отросли, а парикмахер с меня три шкуры сдерет за снятие.

– У тебя есть изолента? – спросила я, аккуратно зажимая лезвие ногтями большого и указательного пальцев.

– Зачем? – озадачилась она.

– Чтобы заклеить один край лезвия и не порезаться в процессе, – опытным тоном сказала я. – Научилась на собственных ошибках. Расту.

Чески направилась к этажерке, разные отделения которой, наполненные всякой всячиной, прикрывал флаг Уганды. Она приподняла флаг и начала искать.

– Держи, – она бросила мне катушку, а сама уселась на пол у моих ног. Я принялась расплетать пряди, а Чески пощелкала по музыкальным каналам и остановилась на нашем любимом MTV Base.

– Да, так вот. Слушай... – начала она.

Поскольку Чески – самый красивый человек из всех, что я видела, а также работает непосредственно с людьми, ее приглашают на свидания каждый день. Да что там каждый день – каждый час. У нее самая мягкая и нежная в мире кожа; у нее темные пронзительные глаза, форму которых подчеркивают накладные ресницы, а все остальные черты так изящны, будто в ее жилах течет королевская кровь.

Еще в школе она коротко стригла и выпрямляла волосы, но в то время она предпочитала носить «шестнадцати-, восемнадцати- или двадцатидюймовые бразильские волосы по триста пятьдесят фунтов за прядь». И она сама, и мужчины, регулярно писавшие ей в личку, считали ее девушкой «с формами»; в общем, у нее было образцовое тело черной женщины. Длинные, изящные, тонкие руки и ноги, узкая та-

лия, упругая и крепкая высокая грудь и такая же упругая и округлая попа, которая, в отличие от моей, не тряслась при ходьбе.

– Это все спорт, Квини, – каждый раз говорила она, заметив, как я молчаливо сравниваю ее тело со своими тяжелыми конечностями и мягким животом. – Захочешь – подтянешься. И вообще, тело – не главное.

– ...так вот, я обслуживаю *какую-то* даму, которая стоит и считает мелочь, а потом смотрю на очередь за ее спиной и вижу, что там стоит *самый* роскошный мужик в мире, – энергично начала Чески. – Я поторапливаю эту тетю, чтобы он не перешел к соседнему окну к Сандре, но она вообще *не спешишит*, так что я говорю ей, что у меня завис компьютер, и ей надо перейти к другому окну.

Она сделала паузу и забросила в рот чипсы.

– Короче, он подходит ко мне. Весь из себя накачанный, кожа светлая, ореховые глаза и *такие* волосы. Волнистые, детка, просто океан. Он смотрит мне прямо в глаза и покусывает губу, разговаривая со мной, так что я вижу – он на меня запал. А потом я проверяю его счета: минус четыреста фунтов, шесть тысяч долга по кредитке. Короче, Квини, я пожелала ему хорошего дня и отпустила.

Я перестала возиться с толстой ниткой, которой была закреплена прядь.

– А вдруг это был «тот самый», Чески? Вдруг ты бы влю-

билась? Ты могла бы контролировать его фи...

– Чьи финансы? Извини, Квини, но я не могу связываться с человеком, который по уши в долгах. Мой стиль жизни требует вливаний. У моего идеального мужика не может быть отрицательного баланса на счете.

– Ладно, ладно, извини, – я снова взялась за дело, отложив лезвие и пытаюсь распутать нить пальцами.

– Так вот, а за *ним* стоит какой-то коротышка. С виду – из Ганы. Ничего такой, – Чески пожала плечами. Хотя я и смотрела ей в затылок, язык ее тела был не менее выразителен, чем мимика. – Не настолько красавчик, как мужик перед ним, но тоже нормальный. В общем, я проверила его данные, а у него там все красиво. Шестизначные цифры, детка. Никаких кредитов, никаких минусов. Так что мы поболтали, и он такой дает мне визитку и просит позвонить. Я смотрю на нее – его зовут Шон, я вижу, что он работает в финансовой сфере, круто – но говорю, что *я* не звоню парням, это *они* звонят *мне*. Ну ты понимаешь, да?

Я не понимала, потому что моей самооценке было до такого далеко.

– Я написала свой номер на обратной стороне его визитки и отдала ему. В тот же вечер он мне звонит, говорит, что заберет меня, будет обращаться со мной, как с принцессой, рассказывает, чего достойна девушка вроде меня, обещает мне все это дать, ну и так далее. Ну я такая – ладно, замечано... дай мне подушку, а?

Я подала Чески подушку и подождала, пока она пристроит на ней свой зад.

– Короче, мы договорились встретиться в ближайшее воскресенье. Ты еще слушаешь?

– Да, я просто тут пытаюсь распутать сложный узелок, – ответила я, вглядываясь в косички, нитки и наращенные пряди.

– Ты мне там волосы не отрежь. У меня мало осталось, после того как я их сожгла выпрямителем, – предупредила Чески. – В общем, перед свиданием я пишу Шону и спрашиваю, куда мы пойдем. Он отвечает, что это сюрприз – ну ладно, ок, но я же должна одеться соответствующим образом. Он все равно не признается, так что я решаю: сюрприз так сюрприз. Наверное, в какое-то *понтовое* место пойдем. Он обещает заехать в четыре, так что в час я принимаю ванную, обмазываюсь всякими маслами, вкусно пахну, выпрямляю волосы, слегка завиваю кончики и, *слушай*, Квини, делаю просто *бомбический* макияж. Также я помню, что мужик при *деньгах*, так что надеваю черное платье от Бальмена и «лабутены» по щиколотку. В общем, не шутки шучу.

Она снова сделала перерыв на чипсы.

– И вот четыре часа, я готова, сижу, жду, и где же он? А его нет. Думаю – дам ему еще пять минут, и, если не объявится, иду смывать макияж. В три минуты пятого он является. Разгильдяй, – Чески недовольно цыкнула. – Пишет, что ждет меня в машине. Дай-ка схожу пописаю.

Чески встала, навалившись всем весом на мои бедра. Выпрямилась, поскакала в туалет.

Я потянула пальцы и ойкнула, когда щелкнули суставы. Чески вернулась и снова уселась между моих коленей.

– Так о чем я?

Она развернула Твикс своими тонкими пальцами с белыми акриловыми ногтями и откусила кусочек.

– Я спустилась, увидела его BMW и даже минутку постояла на месте, чтобы он заценил, как *шикарно* я выгляжу.

Она снова замолчала, чтобы я вообразила, насколько она и правда шикарно смотрелась.

– Шон выходит из машины, и я вдруг вижу, что на нем просто футболка, джинсы и кроссовки. И тут меня как *взяло*. Он открывает мне дверь, я сажусь. Он тоже садится на свое место, а я так скрещиваю ноги, чтобы он видел алую подошву. И он видит. И говорит, что я «хорошо выгляжу». Я ведь тебе сказала, что он не признавался, куда мы поедem, да? Он доезжает до перекрестка, и я рассчитываю, что он сейчас повернет налево, в Вест-Энд. Так вот, объясните мне, пожалуйста, почему он вдруг сворачивает направо? – спросила Чески, обращаясь к невидимой аудитории.

– Но я все равно молчу, я язык прикусила и ни слова не говорю. Я думаю: ладно, может, он и правда приготовил для меня сюрприз, так что не буду портить. *Квини*, детка, и в следующую секунду мы паркуемcя возле Кристал Пэлэс. Я ничего не имею против Кристал Пэлэс, но разве туда ходят в

таких нарядах? *Нет*. Но он выходит из машины, и я с того момента вообще ничего ему не говорю, потому что бешусь. Мы приходим в какой-то тайский ресторан, и я стою и тупо смотрю на него, потому что не могу поверить, что он меня сюда привел.

Слушай, Квини, дело не в том, что тайские рестораны меня не достойны, но в такие места ходят ужинать по пятницам после двух и более *лет* отношений, а не на первое свидание. Но я сказала себе – давай поглядим, что он за фрукт. И мы пошли. Подходит хостес, спрашивает, заказан ли у нас столик, и вдруг Шон такой: «Да, на двоих, на имя Чески». *Простите*, что? Как так вообще можно? Как так вышло, что *ты* приглашаешь меня на свидание и, бронируя столик, называешь людям мое имя? – она закатила глаза.

– Но я продышалась и решила – спокойно, продолжаем. И мы идем с ним по ресторану, а на меня все смотрят – что я делаю здесь, в таком наряде. Мы садимся за столик, разговариваем. Квини. На меня потянуло сквозняком, я смотрю – рядом в стене дырка, кое-как прикрытая досками. Он что, совсем того? Нашел, куда меня притащить?

Тут мне пришлось отложить лезвие в сторону, потому что я так хохотала, что могла кого-то из нас поранить.

– Ох, что уж тут поделать! Там хотя бы вкусно? – рискнула предположить я.

– Квини, я предложила пересесть за другой столик. Он зовет официантку, и на этот раз нам дают столик в другом кон-

це зала, прямо возле лестницы в подвал. И стул Шона стоит буквально в сантиметре от края верхней ступеньки, так что он предлагает мне поменяться местами! То есть, он хочет, чтобы я на своих каблуках сидела на краю лестницы и чтобы именно я свалилась и сломала себе шею! Так что я сказала, чтоб сидел, где сидит.

Я уже валялась на диване, умирая от смеха, хотя совсем недавно готова была поклясться, что никогда больше даже не улыбнусь.

– Ничего смешного, детка, это про мою жизнь! – крикнула Чески. – Слушай, еще не конец. Мы поужинали, еда так себе. Ему удалось не свалиться с лестницы, хотя лучше бы он все же свалился. Приходит официантка, предлагает десерт, а он отказывается, потому что приготовил мне особый сюрприз. Как думаешь, что за сюрприз, Квини?

– И какой же? – осторожно спросила я. – Мне точно надо об этом знать?

– Он решил съездить поиграть со мной в гольф.

Она повернулась ко мне лицом.

– Я. В платье. На. Каблуках, – Чески хлопает в ладоши на каждом слове.

– Квини, когда я сказала ему, что не собираюсь ходить по полю для гольфа в «лабутенах» на пятнадцатисантиметровых каблуках, он знаешь что ответил?

Я так хохотала, что едва могла дышать, так что с трудом простионала:

– Что?

– Он сказал, что сейчас заедем в «Теско Экспресс⁵» и купим мне кроссовки. Детка, с каких пор у нас в «Теско Экспресс» продаются кроссовки? В общем, я потребовала экспресс до дома.

Хотя свидание Чески вышло не особо вдохновляющим для нее самой, меня ее опыт все же вдохновил. Не люблю термин «выходить в люди», но если я буду ходить на свидания во время перерыва с Томом, может, я перестану думать о том, что не переживу этого расставания. Тем вечером перед сном я снова заглянула в OkCupid.

Позаботься, чтобы у тебя были чистые простыни...
и пенис

Секундочку, это же цитата из «Долбанутых», а значит, он потратил три секунды и прочитал, какие у меня любимые сериалы. Я ответила, потом мы быстренько договорились встретиться завтра, и я легла спать в обнимку с футболкой Тома, которую утащила из корзины для грязного белья, вдыхая запах, который я так надеялась ощутить еще раз непосредственно на нем.

---

⁵ Tesco Express – группа супермаркетов сети Tesco, специализирующаяся на продаже в основном продовольственных товаров на сравнительно небольших торговых площадях.

Глава 5

В пабе было шумно – галдели люди, звенели стаканы.

– Моя прошлая девушка была черной.

Я посмотрела на своего спутника и моргнула, полагая, что неправильно расслышала.

– Прости? – сказала я, наклоняясь к нему через стол.

– Моя прошлая девушка была черной, – повторил он без тени иронии в голосе.

– Как мило. Она была хорошим человеком? – спросила я, делая большой глоток вина. Я все еще принимала антибиотики, так что это красное пошло не очень хорошо.

– Она была с придурью, – ответил он, качая круглой головой, а в моей голове в это время мигали сигнальные огни и гудели сирены. Мой спутник был в ширину и в высоту примерно одного размера, а из-под футболки у него торчало внушительное пузо. Светлые кудри обрамляли толстые розовые щеки. Он был похож на гигантского херувима. Правда, этот гигантский херувим не угадывался ни на одном из его фото в OkCupid.

Я встретила взглядом с девушкой в другом конце зала, которая тоже явно пришла на первое свидание. Мы улыбнулись друг другу в знак солидарности.

– Может, выйдем покурим? – предложила я. – Подышим воздухом?

– А может, поехали ко мне? – пожал он плечами. – Я готов.

Мне это совсем *не казалось* похожим на ухаживание. Может, я мыслю слишком старомодно? Я сделала вид, что мне нехорошо, и уехала домой на автобусе. Наверное, я сама себя сглазила, потому что по пути мне действительно стало плохо. Голова болела, в желудке крутило. Я собралась было написать Тому, но осадила себя. Если для того, чтобы вспомнить о любви ко мне, ему нужен чистый перерыв, я его предоставлю. Вместо этого я стала писать сообщение в групповой чат, который создала абсолютно без разрешения добавленных в него участниц. Дарси, Чески и Кассандра, старые подруги, знающие почти все мои секреты. Мне, в общем, незачем было собирать их одновременно в этой виртуальной группе, но так я сэкономила время на копировании и пересылке сообщений о своих мыслях и чувствах из одного окна в другое. Они восприняли это очень даже неплохо...

Квини:

Еду домой со свидания. Кошмар. Он похож на гигантского херувима

Квини:

Но кошмар не поэтому, ведь все мы знаем, что большое – это красиво, но на фотографиях он совсем другой! Свидание не удалось, потому что он сам ужасный

Дарси:

Что ужасного?

Квини:

Он ляпнул, что его прошлая девушка была черной

Чески:

Ахахахах

Квини:

И «с придурью»

Кассандра:

Так и сказал – с придурью? Или ты перефразировала?

Чески:

Зачем ты вообще пошла?

Квини:

Чтобы чем-то заняться в отсутствие Тома?

Кассандра:

Есть и получше способы отвлечься.

Дарси:

Надеюсь, ты хоть вспомнила, что тебе нужен только Том?

«КВИНИ ИЗМЕНИЛА ИМЯ ГРУППЫ НА „КОРГИ“»

Кассандра:

Ну и что это?

Квини:
Ты о чем?

Кассандра:
Корги. Очевидно.

Квини:
Королева любит своих корги

Квини:
Они ее поддерживают

Квини:
Как вы меня сейчас

Кассандра:
А Королева у нас ты?

Квини:
Разумеется

Кассандра:
Все вроде знают, что монархия устарела.

Дарси:
А по-моему, это мило

Квини:
Кассандра, это просто игра слов, расслабься. Разве
что @Чески возражает?

Чески:

Нет, все норм. Делай, что хочешь

– Знаешь что, Дарси? – сказала я в понедельник после Хэллоуина, прошедшего в выходные, которые я провела в эмоциональном тумане. – Я намерена кое-что себе пообещать и выполнить это.

Я вспомнила недавнее решение вообще избегать мужчин, принятое после провального свидания с гигантским херувимом.

– В каком смысле? – спросила Дарси.

– Во-первых, активнее заниматься работой, – начала я, вспоминая список, который составила в телефоне. – Я последнее время подзабросила рабочие дела. В мире происходят важные вещи, о которых стоило бы написать, а *The Daily Read* не спешит этого делать.

– Например? – спросила Дарси.

– Ну, например, массовые убийства полицейскими безоружных чернокожих мужчин и женщин, и здесь, и в Штатах. Глобальная джентрификация. Современное рабство? *Hem?*

– Я ничего такого особо не вижу.

– Конечно не видишь, Дарси. Я подумала, что, может, мне стоит протолкнуть пару идей Джине?

– Хорошее начало, – Дарси медленно кивнула, волосы упали ей на лицо.

– Я очень старалась получить эту работу, охренеть как старалась, а теперь я ее почти профукала, – сказала я.

– Я бы не стала спешить с термином «профукала», – вздохнула Дарси, кладя голову на руки.

– Во-вторых, надо немного отвлечься от Ok-Cupid, – продолжала я, игнорируя пренебрежительную гримасу Дарси. – Я слишком увлеклась виртуальным вниманием. Примерно пять парней, с которыми я даже не встречалась, уже рассказывают мне истории своей жизни. А когда Том, наконец, отдохнет и вернется ко мне, я не собираюсь рассказывать ему обо всех этих встречах, но даже при этом я не хочу проводить все это время, занимаясь сексом в машинах и встречаясь со всякими говнарями, которые отлично выносят мне мозг и при этом снижают мою самооценку.

– Может, удалить приложение?

– Пока нет, – сказала я, мотая головой. – Мне пока нужно просто перестать в нем зависать. Третье. Проводить больше времени с родными, – я загнула третий палец. – Четвертое: на какое-то время вообще забыть о мужиках и воспринимать перерыв как отдых от мужчин в целом. И пятое: не ездить с парнями домой после вечеринок, когда оказывается, что нащептывание тебе на ухо пьяных шуточек о том, как кончить тебе на грудь – это все, что их интересует.

– Квини, – резко оборвала меня Дарси. – Я знаю, что по понедельникам мы с тобой всегда пьем чай и болтаем, но вообще уже середина дня и пора заканчивать.

– Хэллоуин у Фрэн действительно оказался ночью контрастов, – медленно вздохнула я.

– Мужчинам это нравится, правда? Наверное, все дело в них, – она указала на мою грудь.

– Саймон тоже так делает? – спросила я, прихлебывая чай.

– О господи, нет. Даже если он и захочет, мои сиськи для этого недостаточно большие и сексуальные, – Дарси опустила взгляд на свою грудь.

– Но *что* в этом такого сексуального? Почему это так переполняет их гордостью? – громко удивилась я.

Дверь кухни открылась, и вошла Тихая Джин. Она по очереди посмотрела на нас, пока молча и медленно наливала себе чашку кофе. Уходя, наконец, из кухни, она бросила на меня подозрительный взгляд и закрыла за собой дверь.

– Но ты хоть повеселилась, несмотря на... – спросила Дарси, указывая на мою грудь. – Я нянчилась с Саймоном все те полчаса, что мы там были. Он так набрался, что пришлось увезти его домой, – Дарси присела на кухонный стол. – Он вечно начинает переживать, что в компании старше всех, так что напивается до беспамятства, – она забросила ногу на ногу и стала нервно качать ступней.

– Саймон успел до вашего ухода отвести меня в сторонку и жутко раздражающим тоном сорокалетнего нравоучителя рассказать, как ты за меня переживаешь и все такое, – сказала я Дарси, надеясь, что он все это выдумал.

– Да, Квини, я за тебя переживаю. Но мы можем обсудить это позже, а сейчас мне надо идти разбираться со стажерами, – Дарси сжала мое плечо и выскользнула из кухни.

– Я сама за себя переживаю, – ответила я в пустоту.

Позже, пока Джина сидела и жаловалась (что-то там о детях, которые не хотят ходить в школу, поэтому издеваются над няней), у меня начал болеть живот, а в глазах поплыло. Я извинилась и вышла на воздух. Охранник увидел, как я скрючилась возле входа, и попросил меня перейти в более подходящее место, указывая в сторону курилки. Я переползла в сторону и оперлась на стену. Потом почувствовала, что медленно сползаю вниз, но сил прекратить это падение у меня уже не было. Я открыла глаза, когда поняла вдруг, что кто-то крепко схватил меня двумя руками.

– Ты в порядке? – спросил мужчина, придерживая меня на вытянутых руках.

Через пару секунд до меня дошло, кто это.

– Твидовые Очки, – промямлила я. – Извини за туфли.

– Прошу прощения? – спросил он. Не ожидала, что у него такой низкий голос.

– Ничего, – ответила я, поднимая на него взгляд, когда все вокруг перестало бешено кружиться. На этот раз он был без очков и смотрел на меня ярко-зелеными глазами с янтарными вкраплениями.

– Не извиняйся, – улыбнулся он и слегка сощурился.

– Окей.

Физическая поддержка была очень кстати.

– Так, если я тебя отпущу, ты снова сползешь на пол? –

мягко спросил он.

– Думаю, нет, – ответила я, снова ощущая собственные ноги. Он отпустил меня и сделал шаг назад, но держал руки наготове возле меня.

Он был выше, чем мне казалось. Я попыталась изобразить невинный взгляд и похлопать ресницами, чтобы казаться привлекательнее, но мне не хватило сил.

– В этот раз ты хотя бы не убила мои туфли, – рассмеялся он.

– Господи, ты запомнил?

– Да, я тогда поехал домой их чистить.

– Извини, у меня был тот еще денек. С парнем проблемы, прочие гадости, – воспоминания о той неделе всплыли в сознании, и я схватилась за живот, надеясь, что не свалюсь снова.

– Давай-ка я отведу тебя наверх, – сказал он. – Ты же из отдела культуры, так?

Я кивнула и позволила ему проводить меня на рабочее место.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его я. – Наверное, стоит выпить сладкого чаю – кажется, у меня сахар упал.

Твидовые Очки написал мне свой электронный адрес и взял с меня слово отписаться ему, когда приду в себя, «чтобы решить, не стоит ли мне сменить работу и пойти к тебе сиделкой».

Понедельник, 1 ноября, Дженкинс, Квини
<Queenie.Jenkins@dailyread.co.uk> написала в 16:02:

За весь день я ухитрилась не упасть ни на кого из коллег. Еще раз спасибо за помощь!

Понедельник, 1 ноября, Номан, Тед
<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 16:10:

Мне в радость. Давно на меня красивые девушки не заПАДАЛИ. Боюсь привыкнуть.

Понедельник, 1 ноября, Дженкинс, Квини
<Queenie.Jenkins@dailyread.co.uk> написала в 16:17:

Фу какая пошлость, Тед. Беру свои слова обратно.

Ну и что происходит? Это флирт? С чего бы ему флиртовать с девушкой, которая и выглядела как полутруп, и вела себя соответствующе, буквально свалившись на пол?

Понедельник, 1 ноября, Номан, Тед
<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 16:25:

Квини, не сердись. Мне, наконец, представилась возможность заговорить с девушкой, которую я несколько недель по всему зданию выслеживал, так что я слегка растерялся. Извини.

Понедельник, 1 ноября, Номан, Тед
<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 16:30:

Кстати, красивое имя. Тебе идет.

Я вспомнила данные себе утром обещания номер один и номер четыре. Сосредоточиться на работе, и никаких мужчин. Я глотнула сладкого чаю и села писать заявку для Джинны. Мне нужна была моя работа, я могла бы что-то изменить, представлять чьи-то интересы, но пока все, на что меня хватало – это составление программ и копирование. Прошло несколько дней, в обморок я больше не падала, но совершенно вымоталась, пытаюсь организованно собрать своих лучших подружек посмотреть фейерверк. Я подумала, что немного приду в себя, если попробую проводить время с друзьями, но пока что я чувствовала себя только секретарем и посредником в этой социальной деятельности. Дарси, Кассандра и Чески сами себя превзошли, поддерживая меня – по большей части просто позволяя мне посылать и посылать им сообщения, хотя я уже начала переживать, что, пожалуй, Квини становится многовато. А я не хочу, чтобы мои друзья думали, будто нужны мне только затем, чтобы выслушивать мое нытье о нелепости жизни.

КОРГИ

Чески:

Холодно будет

Кассандра:

Наверное. Ноябрь же.

Чески:

Блин ну ты же поняла. По ноябрьским меркам холодно

Кассандра:

Как еще сказать-то? Наверное да.

Дарси:

Будет 4 градуса! Все утепляйтесь! Чески, у меня есть лишняя пара перчаток, если надо

Чески:

Ахаха ну ты даешь

Кассандра:

Не вижу смысла отказываться от полезных вещей.

Чески:

Мне не надо, я просто спросила будет ли холодно

Дарси:

Короче, если будет надо, я возьму!

Квини:

Вне зависимости от перчаток и погоды, нас ждет классный вечер. Надеюсь, все предвкушают. Встретимся в 6 на станции Кристал Пэлэс?

Чески:

В 6 не могу

Кассандра:

Вот это сюрприз. А когда можешь?

Чески:

Квини, пожалуйста, уйми эту женщину

Квини:

Она ничего такого не хотела сказать, Чески

Дарси:

Может, в 6:30?

Чески:

6:30 норм, но я буду ждать вас за парком, неохота тащиться вниз к станции, чтобы потом снова пилить в парк

Желая отдохнуть от самого напряжного в моей жизни чата, я метнулась на кухню заварить чай.

На обратном пути я заметила на этаже Теда, твидовое видение, на сей раз в очках. У меня сердце екнуло при воспоминании, какими сильными казались его руки, когда он поднимал меня. Я села обратно за стол, открыла электронную почту и начала набирать текст.

– Чаю?

Я повернулась, одновременно пытаясь свернуть окно почты. Дарси наклонилась и уставилась в мой монитор.

– Это кому ты тут пишешь «Ну, не пропадай»? – спросила она.

– Никому! – вспыхнула я. – Точнее, кое-кому. Фрилансеру, помнишь, приходила по вторникам? Хотела узнать, не хочет ли она заглянуть и еще немного поработать, – я выключила монитор. – Энергосбережение.

– Осторожнее. С коллегами в таком тоне лучше не разговаривать, – сказала Дарси. – Короче, я просто хотела лично сообщить, что немного задержусь, раз уж ты не отвечаешь в чате. Джина дала мне поручение. Поразительно, эти начальники отлично умеют командовать, но при этом малейшие технологические новшества выбивают их из колеи, – она нервно провела рукой по волосам и удалилась.

Пятница, 5 ноября, Номан, Тед
<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 14:04:

А вот и я. Что делаешь после работы? Может, побыстрому?... в смысле, выпьем.

У меня внутри что-то взволнованно дрогнуло, и я написала ответ, показавшийся мне слишком откровенным, а потом стерла его и заменила более нейтральным.

Пятница, 5 ноября, Дженкинс, Квини
<Queenie.Jenkins@dailyread.co.uk> написала в 14:10:

Да, я поняла, спасибо. Рада видеть, что твоя тяга к пошлостям не угасает.

Пятница, 5 ноября, Номан, Тед

<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 14:15:

Упс. Я понял, буду работать над собой. Так как насчет выпить?

Пятница, 5 ноября, Дженкинс, Квини
<Queenie.Jenkins@dailyread.co.uk> написала в 14:25:

Разве что ненадолго. Мне в пять нужно улизнуть, так что у меня минут сорок пять максимум. Я целую неделю уговаривала подруг сходить на фейерверк, так что отменить не могу, сам понимаешь.

Пятница, 5 ноября, Номан, Тед
<Ted.Noman@dailyread.co.uk> написал в 14:30:

Нормально, у меня тоже встреча за ужином. Встретимся в пабе у церкви?

В половине четвертого я шаталась по офису и выпрашивала у коллег косметику. Поскольку я единственная черная на весь офис, пришлось обойтись черной подводкой, взятой у Зайнаб из цифрового, тушью Джози, необщительной иранской девушки из отдела музыки, а потом я попросила у Дарси румяна, хотя знала, что они будут не видны, даже если я наложу их в семь слоев.

– Зачем тебе румяна? В парке все равно будет темно, – иногда рассудительность Дарси весьма некстати.

– Просто надо. Хочу хорошо выглядеть, – сказала я. – Уверенность в себе, все такое.

– Ты уже отлично выглядишь. Куда собралась?

– Ты меня, вроде, в чем-то подозреваешь? – сказала я.

Дарси взглянула на меня и приподняла брови.

– Ладно. Это тот парень из спортивного отдела, который в твидовом костюме и очках, написал письмо, предлагает побыстрому выпить.

– Флиртует? – спросила Дарси. – Как же твои обещания?

– Так-то да, но что плохого в том, чтобы пойти выпить с коллегой? – неубедительно ответила я.

– Окей. Ладно. Осторожнее там. Ты знаешь, в служебных романах ничего хорошего нет, – сказала она, подавая мне румяна. – И про фейерверк не забудь!

– Не забуду, учитывая, каких трудов мне стоило собрать вас всех в одном месте, – я снова закатила глаза и стала наносить румяна. – Если Джина спросит, где я, скажи, что у меня срочные семейные дела.

– Квини. У тебя же все под контролем, правда? – серьезно спросила меня Дарси. – Не хочу занудствовать, но если тебя уволят, на твое место найдется сотня других девушек вроде нас.

– О, я расходный материал? – фыркнула я, чтобы не показать, насколько меня задела справедливость ее слов. – Это всего минус полчаса.

– Да, но это длится уже пару недель.

– Дарси. Я отлично справляюсь, я *люблю* свою работу и хочу быть еще лучше и, поверь, буду. Мне просто нужно отвлечься, – я изобразила улыбку, не желая ссориться с луч-

шей подружкой по худшему из возможных поводов. – Ты за мной следишь?

– Я за тобой не слежу, но хочу напомнить тебе о том, что еще ты можешь потерять.

– Я ничего не потеряла и ничего терять не собираюсь, – заверила я ее и ушла.

Я добралась до паба и попыталась найти столик на улице, который бы стоял в стороне от остальных, но был бы при этом сухим, и пока я искала, примерно с десятков взрослых мужчин из нашего офиса уже сидели там и каждый раз выразительно шевелили бровями, когда я протискивалась мимо них в поисках столика. Подходящего места не нашлось, так что когда Тед пришел в паб и мы взяли выпить, пришлось стоять возле мокрого стола. Мы очень долго болтали – сперва неуверенно, потом все более оживленно и эмоционально, а его лежавшая на столе рука придвигалась к моей все ближе.

– Как тебе здание редакции? – я заметила, что снова изображаю невинный взгляд.

– Мне нравится. Столько потайных мест. Ты уже везде побывала? – он коснулся своим мизинцем моего.

– А? – спросила я, ощущая жар во всем теле. – Что?

– Я говорю, здание – ты его все обошла? – спросил Тед, понижая голос до интимного мурлыкания.

Я вдруг подумала о Томе и убрала руку.

– Еще нет. Тебе удобно добираться до дома?

– Да, ага, вполне удобно, – ответил Тед, явно смущенный тем, что я увела разговор из наметившегося русла. – Но когда работаю в ночную смену, приходится ездить на автобусе из Хакни. Но я выносливый, так что мне нормально.

– Очень смешно, – хмыкнула я, чувствуя, как от лица отливает кровь.

Он не то чтобы очень смешно шутил, но.

1. Кроме Чески, которая в десять раз смешнее меня, я вообще не встречала никого хотя бы настолько же прикольного, как я, даже в этот мрачнейший период моей жизни.

2. Мужчины вообще не умеют шутить так, как я или любая из моих знакомых женщин.

3. Так ли важен юмор, если в течение вечера мне удалось не думать о Томе дольше трех минут?

За. И ЗАОДНО я вспомнила, как это – когда привлекательный мужчина разговаривает со мной не так, как будто я неполноценное в сравнении с ним существо или просто дырка ходячая.

– О, не сомневаюсь в твоей выносливости, – промурлыкала я.

Что я творю? Тут мне в голову пришел еще один скучный вопрос практического характера.

– А с кем ты живешь, Тед?

– Я живу с... Погоди, у тебя что-то в волосах застряло, – сказал он, приближаясь ко мне и протягивая руку к моим

волосам, почти прижимаясь, так, что нас разделял буквально миллиметр.

Я подняла на него взгляд, и мои губы приоткрылись, пока он наклонялся ко мне.

– Который час? – спросила я.

Он рассмеялся.

– Да ладно!

– Серьезно, который час? – в панике повторила я.

– Пять минут шестого, – ответил он, показывая часы.

– Прости, я побегу – опаздываю, фейерверки!

Я выскочила из паба и бежала, пока не запрыгнула в поезд до Кристал Пэлэс. Дыхание я перевела, только когда увидела возле станции Кассандру, дрожавшую от холода.

– Ну что, готова штурмовать гору? – спросила она, дыша на свои костлявые руки. Кассандра была моей первой знакомой еврейкой. Видимо, дело в том, что я выросла на юге Лондона и крайне редко бывала в северной его части, чтобы встретиться с остальной родней. На первом семинаре по английскому я нашла свободное место возле Кассандры, и не успела сесть, как она наклонилась ко мне и заявила, что раз мы обе представляем на курсе меньшинства, то должны держаться вместе.

Первым, на что я обратила внимание, помимо напористости, были волосы Кассандры. Длинные, темно-каштановые, они вспыхивали золотом, стоило на них попасть хоть лучику света. Глаза были почти такие же – карие, с золотисты-

ми вкраплениями. Одногоруппники ее сторонились – полагаю, потому что характер у нее был задиристый, но мне это не мешало. Мне нравилось. При этом я ведь осознавала, какая она колючая. В день знакомства она заявила, что мне непременно надо съесть ужин, который она приготовит, и с тех самых пор она продолжает мне указывать при каждом удобном случае.

– Да кто вообще бывает готов ее штурмовать? – сказала я, глядя вверх на почти вертикальный подъем. – Надо только подождать Дарси, она задерживается в редакции, – я заглянула в телефон. – А Чески мы встретим у входа в парк.

– Да, пока не забыла... – сказала Кассандра, доставая из кармана пакет. – Сто пятьдесят фунтов, да? – она помахала конвертом.

– Да, спасибо. Извини, я знаю, что беспокою тебя, но я больше не могу брать в долг у Тома...

– Не беспокоишь, я просто не понимаю, – ответила Кассандра. – Когда у тебя заканчиваются деньги, почему ты не берешь из других своих сбережений?

– Что? – рассмеялась я. – Каких сбережений?

– Ну там, накоплений с личного счета, все такое.

Я с непониманием уставилась на нее.

– Ладно, не волнуйся. Откроем тебе счет, – она подала мне конверт.

Мы стояли, мерзли и ждали Дарси, а Кассандра рассказывала, что в нее влюблялся каждый мужчина, с которым она

знакомилась, но она очень давно не встречала мужчину, с которым возникло бы настоящее *взаимопонимание*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.